

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХХХІV.

1884.

ІЮЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Наб. Екатерининскаго кан., № 78.

1884.

ПРІЕМЪ ВЪ РОССІИ И ОТПУСКЪ СРЕДНЕАЗІАТСКИХЪ ПОСЛОВЪ ВЪ XVII И XVIII СТОЛѢТІЯХЪ.

По документамъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ.

«И пословъ частыхъ къ государю нашему присылають съ великими починки и почестливостью».

(Изъ посольскихъ приговоровъ).

Съ построеніемъ Оренбурга дворъ нашъ избавился отъ приема среднеазіатскихъ посланцевъ, такъ какъ всѣ дѣла по сношенію съ Хивой, Бухарою, Коканомъ и другими среднеазіатскими владѣніями сосредоточились съ тѣхъ поръ въ этомъ городѣ. И только въ исключительныхъ какихъ-нибудь случаяхъ посланцы препровождались въ С.-Петербургъ, обыкновенно же дальше Оренбурга ихъ не пускали. Но въ XVII столѣтіи и первой половинѣ XVIII между нашимъ высшимъ правительствомъ и ханами происходили самыя оживленныя, непосредственныя сношенія, для насъ довольно убыточныя. Впрочемъ, относительно оживленности надо замѣтить, что не столько мы сами были тому причиною, сколько среднеазіатскіе владѣльцы. У насъ же выдавались иногда періоды, хотя и незначительные, когда мы совершенно забывали и о существованіи самой Средней Азіи и о тѣхъ несчастныхъ нашихъ соотечественникахъ, которые томились тамъ въ рабствѣ. За то ханы насъ никогда не забывали и слали къ намъ пословъ за послами. Предложенія хановъ, въ сущности, были довольно одиозны и, можно сказать, довольно пусты. Обыкновенно они просили о торговыхъ сношеніяхъ, заявляли о необходимости возобновленія этихъ сношеній—не по нашей, однако, винѣ прерывавшихся—вызываясь, съ своей стороны, оказывать всякое содѣйствіе, покрови-

тельство и „обережу“ русскимъ купцамъ въ своихъ владѣніяхъ ¹⁾. Мы называли эти предложенія „пустыми“ потому, что не объ этомъ совсѣмъ заботились ханы: поступки ихъ на самомъ дѣлѣ скорѣе должны были убить всякую торговую предпримчивость, а никакъ ужъ не вызвать ее. Обищая на бумагѣ свое содѣйствіе, ханы въ дѣйствительности всячески притѣсняли у себя нашихъ пословъ и нашихъ купцовъ, а случалось, что и грабили ихъ ²⁾. Кромѣ посольствъ, отправляемыхъ къ намъ подъ прикрытіемъ заботъ о торговлѣ, ханы не упускали случая поздравить Русскаго государя съ восшествіемъ на престолъ или извѣстить о своемъ вступленіи на ханство, или же, наконецъ, уладить взаимныя препирательства ³⁾. Но главная, сокровенная, такъ-сказать, цѣль всѣхъ этихъ посольствъ заключалась въ выжиманіи у насъ подарковъ. Представляя нашимъ государямъ, черезъ пословъ, свои „любезныя поминки“, ханы безъ всякаго конфуза заявляли, что имъ желательно получить взаимно своего приношенія, обыкновенно неважнаго, а иногда и вовсе никуда негоднаго ⁴⁾. Не довольствуясь обычными у насъ отдариваніями въ видѣ сукна, соболей, юфти и т. п., ханы почти всякій разъ старались припросить еще что-нибудь особенное. Чаше всего просили прислать кречетовъ, иногда панцирей, пушекъ, а то и просто денегъ ⁵⁾.

Подобныхъ посольствъ къ намъ изъ одной только Хивы за время съ 1616 по 1744 годъ насчитывается до 27, не считая дополнительныхъ, къ нѣкоторымъ изъ нихъ, гонцовъ, пріѣзжавшихъ съ многочисленными свитами особо. Среднимъ числомъ одно хивинское посольство па 4½ года. Но такъ какъ послы жили у насъ многіе мѣсяцы и даже годы, то эта тягота оказывалась для насъ довольно чувствительною.

Правительство наше сразу же поняло дѣйствительную причину столь многочисленныхъ посольствъ безъ всякой видимой надобности; но смотрѣло на нихъ, какъ на неизбежное зло. Случалось, что принимало оно разныя мѣры къ ограниченію частныхъ къ намъ пріѣздовъ посланцевъ изъ Средней Азіи, даже вовсе воспрещало имъ вѣздъ въ Россію. Последняя мѣра примѣнена была въ 1623 г. по отношенію къ Сибири, гдѣ мѣстные воеводы буквально осаждались калмыцкими и урянхайскими посланцами-попрошайми; но скорѣе же пришлось это распоряженіе отмѣнить изъ опасенія вызвать серьезныя затрудненія на нашей сибирской границѣ. Подачку стали выдавать по прежнему.

Приемъ у насъ среднеазиатскихъ пословъ не всегда, однако, отли-

чался радушіемъ и гостепріимствомъ; случалось, что правительство наше принимало и крутія мѣры по отношенію къ нимъ: сажало подъ арестъ, конфисковало привезенное ими имущество. Дѣлалось это, и выполнѣ основательно, съ цѣлью обуздать дерзость хановъ ⁹⁾. Но въ концѣ концовъ казна наша несла убытки самыя непріизводительныя, а посланники наши подвергались въ средне-азіатскихъ ханствахъ всевозможнымъ непріятностямъ и униженіямъ.

Мы обращаемъ здѣсь особенное вниманіе на хивинскія дѣла потому собственно, что бухарскія уже извлечены изъ архива ¹⁾, а дѣлъ по сношенію съ другими владѣніями имѣется самое ограниченное число. Цѣль наша—показать, съ одной стороны, какъ происходилъ у насъ пріемъ пословъ и ихъ отпускъ, съ другой—какимъ характеромъ отличались сношенія Русскихъ государей съ среднеазіатскими ханами. Поэтому и статья наша распадается на двѣ части: текстъ и примѣчанія. Въ текстѣ вошло описаніе двухъ хивинскихъ посольствъ, отдѣленныхъ одно отъ другаго цѣлымъ столѣтіемъ: первое относится къ началу пріемовъ посланцевъ изъ Средней Азіи (посольство Нарбуна Авеза Багадыря отъ хана Исфендіара въ 1636 году), второе—къ концу непосредственныхъ сношеній хановъ съ нашимъ высшимъ правительствомъ (посольство Артыкъ Ватыря въ 1739 году отъ хана Ильбарса) ²⁾. Въ примѣчаніяхъ мы старались прежде всего помѣщать такіе факты, которые до сихъ поръ оставались архивною тайною.

Языкъ подлинниковъ сохраненъ вполнѣ; мѣстами только нѣмнѣна ореографія.

Посольство Нарбуна Авеза Багадыря.

Въ 7144 (1636) году марта 7 дня пріѣзжалъ къ государю царю Михаилу Ѳедоровичу къ Москвѣ ³⁾ Юргенского Исфендіара царя посолъ Нарбунъ Авезъ Багадырь, и съ нимъ царевыхъ людей было 3 человекъ, да его посольскихъ 7 человекъ ⁴⁾.

А встрѣчи послу на пріѣздѣ за городомъ не было. А приставъ къ нему посланъ на дворъ, какъ онъ къ Москвѣ пріѣхалъ, а наказу ему не дано. Поденного корму давано съ людьми отъ Астрахани въ дорогѣ: послу по 8 копѣекъ, питья по 3 чарки вина, по 3 кружки меду на день; царевымъ людямъ тремъ человекѣмъ по 2 копѣйки человекѣмъ на день; посольскимъ людямъ 7 человекѣмъ по 3 деньга человекѣмъ на день. Питья царевымъ и посольскимъ людямъ всѣмъ по

двѣ чарѣи вина, по двѣ кружки меду челоѣку на день⁴⁾). Всего послу и съ людьми давано корму по 23¹/₂ копѣйки на день.

А въ тотъ день, какъ посолъ пріѣхалъ къ Москвѣ, дано ему и съ людьми государева жалованья корму въ стола мѣсто: баранъ съ шерстью, нога говядины, трехъ куровъ, 12 хлѣбовъ, 15 калачей дву-денежныхъ; да съ кабака питья: 3 кружки вина, 5 ведеръ меду доброго. Поденного же корму и питья велѣно послу съ людьми давати съ пріѣзду его до государева указу передъ дорожнымъ съ прибавкою по 40 копѣекъ на день. Да на два аргамака, которые приведены были ко государю нѣ дарѣхъ, давано сѣно и овесъ, и на постель соломѣ до тѣхъ мѣстъ, пока тѣ аргамаки взяты на государеву конюшню. Да послу же и съ людьми давано на дворъ по два воза дровъ на недѣлю. Да питья изъ новья чети¹⁾ давано: послу—по 6 чарокъ вина, по полу-ведра меду, по полу-ведра пива на день; людямъ его 10 челоѣкомъ—по 2 чарки вина, по кружкѣ меду челоѣку на день и вмѣсто пива — тоже. А послѣ того прибавлено по посольскому челобитію питья на сына его послова чарка вина, кружка меду, кружка пива; а былъ тотъ его сынъ въ томъ числѣ въ 10 челоѣкахъ.

А какъ посолъ былъ у государя на дворѣ на пріѣздѣ, и ему дано въ тотъ день государева жалованья въ стола мѣсто корму и питья съ людьми: изъ большого приходу²⁾: баранъ съ шерстью, нога говядины, гусь, утя, 2 куровъ, 12 хлѣбовъ, 12 калачей дву-денежныхъ; питья изъ новья чети: 4 кружки вина, 6 ведеръ меду доброго.

Да въ тѣже поры, какъ посолъ былъ у государя, былъ онъ челоѣкомъ государю: даютъ де ему и сыну его и людямъ на Москвѣ поденного корму мало, а прежнему де послу, который былъ напередъ его, давано корму больше того. И по тому его челобитію прибавлено ему государева жалованья поденного корму 20 копѣекъ, а велѣно ему давати поденного корму съ сыномъ и съ людьми по 60 копѣекъ на день⁴⁾).

Марта 20 дня хивинской посолъ Нарбунъ Авесъ Вагадырь былъ у государя на пріѣздѣ слѣдующимъ порядкомъ.

Посланы по него посла приставъ Иванъ Протопоповъ, который съ нимъ въ городъ ѣхалъ. А лошадь съ санями послана подъ него съ государевы конюшни, а сказана—отъ посольского думного дьяка, отъ Федора Лихачева. А стрѣльцы въ то время были въ городѣ всѣхъ приказовъ въ чистомъ платьѣ, безъ пищалей. А государь былъ въ

золотой палатѣ въ царскомъ платьѣ и въ діадемѣ со скифетромъ. А яблоко стояло на стоянцѣ отъ государя по правую сторону. А при государѣ стояли рынды *) въ бѣломъ платьѣ и въ золотыхъ чѣпкахъ *). А бояре и дворяне и дьяки были въ золотѣ и въ черныхъ шапкахъ **).

А какъ посолъ пріѣхалъ въ городъ и вышелъ изъ саней у посольской палаты, и шелъ въ посольскую палату. А какъ вошелъ въ палату, и дьяки, вставъ, съ нимъ хорошевались и спрашивали его о здоровьѣ. И велѣли ему сѣсть, и говорили съ нимъ о государевыхъ дѣлѣхъ, что съ нимъ къ государю наказано. И сказалъ ему думной дьякъ, что великой государь царь и великой князь Михайло Федоровичъ всея Русіи самодержецъ указалъ ему быть у себя, государя, на дворѣ, видѣть свои царскіе очи и грамоту отъ государя своего подать царскому величеству. И сказалъ про него думной дьякъ Федоръ Лихачевъ государю; а посолъ дожидался государева выхода въ посольской палатѣ.

А какъ государь велѣлъ идти къ себѣ юргенскому послу, и юргенской посолъ шелъ, а съ посольского приказу площадью да вверхъ середнею лѣстницею въ проходныя сѣни и въ Золотую палату. А съ нимъ шелъ приставъ его, Иванъ Протопоповъ.

А какъ посолъ вошелъ къ государю въ палату, и явилъ его государю челомъ ударить думной дьякъ Федоръ Лихачевъ, а молвилъ: „Великой государь царь и великой князь Михайло Федоровичъ всея Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель, Юргенскаго Исмендеяра царя посолъ Нарбунъ Авезъ Багадырь вамъ великому государю челомъ ударилъ“. И государь пожаловалъ, велѣлъ посла позвать къ рукѣ и клалъ на него свою царскую руку **). И посолъ бывъ у руки, правилъ государю отъ Исмендеяра царя челобитье. А какъ посолъ государю отъ Исмендеяра царя челобитье исправилъ, и государь спросилъ посла про цареву здоровье, сидя; а молвилъ: „Исмендеаръ царь по здорову-ль?“ И посолъ сказалъ про цареву здоровье, подалъ государю Исмендеяра царя грамоту **). И государь велѣлъ грамоту принять думному дьяку Федору Лихачеву, и велѣлъ государь спросити посла: опричь грамоты съ нимъ Исмендеяра царя приказъ есть ли? И посолъ говорилъ рѣчь о чемъ съ нимъ наказано.

А послѣ того думной дьякъ Федоръ Лихачевъ явилъ государю Исмендеяра царя поминки. А какъ думной дьякъ поминки явилъ, и государь велѣлъ думному дьяку Федору Лихачеву послу молвить рѣчь.

*) То-есть, въ чѣпкахъ:

А какъ думной дьякъ рѣчь изговорилъ, и государь велѣлъ послу сказать свое государево жалованье въ стола мѣсто кормъ и отпустить его на подворье.

А на отпускъ тотъ юргенской посолъ былъ у государя на дворѣ въ 144-мъ году іюня въ 4 день. А въ тотъ день были напередъ его у государя кизылбашской купчина, а послѣ него молдавскіе послы. А посыланъ по него приставъ его, Иванъ Протопоповъ. А лошадь съ сѣдломъ послана подъ него съ государевы конюшни, а сказано—отъ думнова дьяка, отъ Федора Лихачева. А стрѣльцы въ то время были въ городѣ всѣхъ приказовъ въ чистомъ платьѣ безъ пищаей.

А какъ посолъ пріѣхалъ въ городъ и онъ дожидался государева выхода въ посольской палатѣ. А какъ государь велѣлъ послу идти къ себѣ, государю, и посолъ изъ посольской палаты шелъ площадью мимо Архангела къ Грановитой палатѣ, да вверхъ лѣстницею подлѣ Грановитой палаты на постельное крыльцо, да на лѣво въ проходную палату, да въ проходныя сѣни, да въ Золотую палату. А съ нимъ шолъ приставъ его.

А государь царь и великой князь Михайло Федоровичъ всея Русіи въ то время сидѣли въ средней въ золотой въ подписной палатѣ въ своемъ царскомъ мѣстѣ въ царскомъ платьѣ и въ діадемѣ со скипетромъ. А яблоко стояло на стоянцѣ отъ государя по правую сторону. А при государѣ стояли рынды въ бѣломъ платьѣ и въ золотыхъ чѣпяхъ. А бояре и окольничіе сидѣли отъ государя въ лѣвую сторону въ золотомъ платьѣ и въ черныхъ шапкахъ. А въ проходной палатѣ и въ сѣняхъ сидѣли дворiane и дьяки, и гости въ золотѣ же и въ черныхъ шапкахъ. А по крыльцу стояли дворiane же и дѣти боярскія и подъячіе въ чистомъ платьѣ.

А какъ посолъ вошелъ къ государю въ палату, и явилъ его государю челомъ ударить думной дьякъ Федоръ Лихачевъ. И государь пожаловалъ, спросилъ посла о здоровьѣ. И посолъ на государевѣ жалованьѣ билъ челомъ. А послѣ того думной дьякъ Федоръ Лихачевъ говорилъ послу рѣчь. А какъ думной дьякъ Федоръ Лихачевъ изговорилъ и далъ послу грамоту, и государь приказалъ къ Искендеару царю съ посломъ поклонъ сидя "). И пожаловалъ посла къ рукѣ и клалъ на него свою царскую руку. А послѣ того велѣлъ государь послу сказать свое государево жалованье въ стола мѣсто кормъ и отпустилъ на подворье.

Съ помянутымъ посломъ Юргенской царь просилъ государя въ гра-

нотѣ своей, чтобъ его государь пожаловалъ, велѣлъ къ нему прислать своего государева жалованья нацирь, да кречать доброй.

А онъ Исмендляръ царь прислалъ ко государю въ поминкахъ: арганагъ сѣръ въ 25 рублей, кожу бобровую въ 2 рубля. Да посолъ отъ себя челомъ ударилъ: жеребецъ арганачей гнѣдъ въ 30 рублей. А противу того послано къ Юргенскому царю государева жалованья за его поминки: 40 соболей въ 60 рублей да кречать подкрасной, кречать крапленой, снаряды да нацирь. А послу дано государева жалованья за его дары: 40 соболей въ 40 рублей, другой 40 соболей сверхъ даровъ въ 30 рублей. Царскимъ людямъ тремъ челомъ дано государева жалованья по 12 рублей челомъ, посольскимъ людямъ семи челомъ по 6 рублей челомъ деньгами.

Посольство Артыкъ Батыря Разумбаева *) 1739—1742.

15-го сентября 1739 года явился въ Астрахань посланецъ отъ Хивинскаго хана Ильбарса, Артыкъ Батырь. При немъ находился купчина Алиаверды, писарь мулла Ниязъ; всего же свита его состояла изъ 40 человекъ (25 хановыхъ людей и 15 посольскихъ). При отправленіи въ Москву, куда прибылъ 21-го марта 1740 года, просилъ онъ оставить въ Астрахани изъ свиты его 10 человекъ, и двинулся въ путь только съ тридцатью *). Того жъ года іюня 23 дня помянутой посолъ пріѣхалъ въ С.-Петербургъ **). Іюля 30 дня предъ полуднемъ во 12 часу былъ онъ у государственнаго вице-канцлера графа Андрея Ивановича Остермана для отданія отъ хана своего листа, слѣдующимъ порядкомъ.

Для привезенія посла посланы были отъ вице-канцлера двѣ кареты, одна цугомъ съ двумя вершниками, а другая о дву лошадей. По переди въ каретѣ ѣхалъ купчина его и, сидя по правую сторону, держалъ на рукахъ листъ ханской, а по лѣвую сторону сидѣлъ дорожной приставъ его, прапорщикъ. Въ другой же каретѣ сидѣли по правую сторону посолъ, а по лѣвую переводчикъ Турчаиновъ. И какъ пріѣхалъ посолъ въ домъ вице-канцлера, то вошедъ къ нему учинилъ обыкновенной поклонъ и посаженъ былъ въ кресла напротивъ его, вице-канцлера. Вице-канцлеръ сказалъ ему, послу, что дорогою ѣхать ему, чаю, не безъ труда было, и которою дорогою онъ ѣхалъ: водянымъ или сухимъ путемъ? Посолъ на сіе отвѣтствовалъ, что дорогою ѣхать хотя ему не безъ труда было, однако же, увидя его графское сіятельство, все забвенію предалъ. А ѣхалъ онъ посолъ водою, а не

сухимъ путемъ: отъ воровскихъ Киргизъ-кайсаковъ и другихъ ѣхать невозможно.

Потомъ вицекандлеръ спросилъ: на какомъ онъ суднѣ ѣхалъ и какимъ моремъ? Посолъ сказалъ, что ѣхалъ онъ на суднѣ купца Тихона Демидова Каспійскимъ моремъ²³). Вицекандлеръ пакн спросилъ, что у нихъ въ Хивѣ нѣтъ ли какихъ вѣстей и что дѣлается? На что посолъ сказалъ, что во время бытности его въ Хивѣ ханъ собиралъ войско и деньги имъ раздавалъ, и нѣсколько пушекъ изготовлено было, и намѣренъ былъ войною идти на Персіанъ, а пошелъ или нѣтъ, того онъ посолъ не знаетъ²⁴).

На вопросъ — сколько Хивинской ханъ войска собрать можетъ, и Трухменцы всѣ ли въ послушаніи хана Хивинского, отвѣтствовалъ посолъ, что ханъ Хивинской 300,000 человѣкъ хивинского войска, а другихъ Татаръ еще столько же, собрать можетъ²⁵). Вицекандлеръ говорилъ: при отъѣздѣ его посла ханъ въ какомъ состояніи былъ? И на то посолъ отвѣтствовалъ, что въ добромъ здравіи хана своего оставилъ, и приказалъ его графское сіятельство поздравить. Вицекандлеръ спросилъ: что отъ Хивы до Бухаръ много ли дней ѣзды и есть ли какія переправы, горы и трудныя дороги? И на то посолъ отвѣтствовалъ, что до Бухаръ верблюдами ѣзды 10 дней, а лошадьми 2 дня; дорогою ѣхать никакихъ трудныхъ мѣстъ нѣтъ, и ѣздить все по берегу рѣки Дарьи и токмо въ одномъ мѣстѣ чрезъ опую пороправляются. Пакн вицекандлеръ спросилъ: на какихъ судахъ или плотахъ, или въ плавы лошадей переправляются и въ которомъ мѣстѣ, и сколько широка оная рѣка? На что посолъ сказалъ, что переправляются оную рѣку не доѣзжая до Бухаръ верблюжьей ѣздою 3 дни, на судахъ, а на плотахъ и въ плавы переправляются невозможно; а шириною оная рѣка будетъ противъ Невы рѣки въ десять разъ шире.

Потомъ, взявъ посолъ у купчины ханской листъ, ему вицекандлеру подавъ. На сіе отвѣтствовалъ вицекандлеръ, что по прочтеніи того листа, еще о дѣлахъ съ нимъ посломъ говорить будетъ. Посолъ просилъ, дабы чрезъ представительство его сіятельства онъ ея императорскому величеству представленъ былъ, а о другихъ дѣлахъ впредь онъ посолъ доносить будетъ чрезъ кого его графское сіятельство прикажетъ; а нынѣ болѣе утруждать не желаетъ, понеже онъ посолъ еще по прибытіи своемъ въ Астраханъ услышалъ о болѣзни его графского сіятельства, и желаетъ отъ Бога всякого здравія. На то вицекандлеръ сказалъ, что пріѣздъ его и посольство весьма пріятно и

угодно есть. По прочтеніи ханскаго листа ея императорскому величеству всепоходаниѣйше донести не преминетъ и уповаешь, что предъ ея императорское величество допущенъ, и высочайшею милостію оставленъ не будетъ. А о дѣлахъ своихъ представлятъ бы онъ посольствъ чрезъ ассессора Тевкелева.

По окончаніи вышписанныхъ рѣчей, отъѣхалъ онъ посольствъ въ квартиру свою вышписаннымъ же порядкомъ²⁹⁾.

Августа 3 дня того жъ 1740 года допущенъ былъ хивинской посольствъ на аудіенцію къ государынѣ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ слѣдующимъ порядкомъ.

Пополудни во 2-мъ часу съ конюшеннаго ея императорского величества двора посланы два берлина, заложённые парами съ двумя вершники и третей за берейтора, да для посольскихъ служителей 10 верховыхъ лошадей съ сѣдлами, на Васильевской островъ къ кадетскому корпусу. И переводчикъ Турчаниновъ туда пріѣхалъ и, сѣдши въ одинъ берлинъ, поѣхалъ въ квартиру посольскую на Васильевской же островъ на дворъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

Когда онъ переводчикъ Турчаниновъ подъѣзжалъ къ квартирѣ посольской, и тогда ихъ хивинская музыка играла, стоя на галлерей. И какъ переводчикъ Турчаниновъ въѣхалъ на дворъ посольской, тогда у кареты встрѣчалъ его, Турчанинова, посольствъ со всѣми чиновными людьми его. И когда переводчикъ Турчаниновъ указомъ ея императорского величества послу объявилъ, что присланы къ нему кареты и онъ бы ѣхалъ при провожденіи его, Турчанинова, на аудіенцію къ ея императорскому величеству, то посольствъ говорилъ, что за высочайшую милость ея императорскому величеству всенижайшее благодареніе приношу и ѣхать готовъ, и оборотясь лицомъ ко дворцу ея императорского величества, учинилъ поклонъ, и поѣхали.

Въ первой каретѣ сидѣлъ посольствъ по правую руку, а переводчикъ Турчаниновъ—по лѣвую; а предъ тою каретою ѣхали два вершника и два человѣка изъ посольскихъ служителей, а за ними предъ самою каретою управитель, за берейтора. Въ другой каретѣ сидѣлъ купчина и ясаулъ, которой въ рукахъ держалъ ханской листъ, зашитой въ парчевомъ мѣшкѣ; а противъ ихъ въ той же каретѣ сидѣлъ ихъ посольской дорожной приставъ, прапорщикъ Черевинъ. За тѣми каретами ѣхали посольской свиты люди верхами. И тако пріѣхали ко двору ея императорского величества въ исходѣ 4-го часа и вышли у канала, и препровожденъ онъ посольствъ въ кабинетныя па-

чаты и тамо ожидать присылки. И когда повелѣно было идти въ аудіенцъ-залу, тогда посолъ листъ хана своего у ясаула взявъ и положи на чалму свою, шелъ, а купчина, ясаулъ и служители шли безъ шапокъ, и ни на комъ изъ нихъ сабель и кинжаловъ не было.

Вступя въ хоромы, веденъ посолъ чрезъ аудіенцъ-залу и другія двѣ палаты, и съ нимъ купчина да ясаулъ; а служители его оставлены въ передней подлѣ залы. Въ той каморѣ, въ которой ея императорское величество изволила быть, посолъ, увидя ея величество, учинилъ поклонъ по обычаю сперва стоя на ногахъ, а потомъ ставъ посолъ, купчина и ясаулъ, всѣ трое, на колѣни, говорилъ посолъ съ письма на своемъ языкѣ къ ея императорскому величеству рѣчь:

„Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица и самодержица всероссійская и иныхъ многихъ земель обладательница! Изъ древнихъ лѣтъ между Россійскою имперією и Хивинскимъ государствомъ всегда дружба имѣлася, и послы и купеческіе караваны ѣзжали, и нынѣ къ вашему императорскому величеству хивинской Ильбарсъ Магомедъ Багадырь-ханъ, государь мой, меня прислалъ ради засвидѣтельствованія своей дружбы и приказалъ ваше императорское величество поздравить и просить, дабы отъ вашего императорского величества посолъ отправленъ былъ“), а въ прочемъ о дѣлахъ мнѣ показанныхъ выслушать повелѣть. Я же предаю себя въ высокомонаршую милость нашего императорского величества и припадаю къ ногамъ вашего величества“. Сію рѣчь переводилъ ассессоръ Тевкелевъ.

А между тѣмъ посолъ и съ нимъ купчина и ясаулъ, не вставая, учинили ея императорскому величеству три поклона до земли. Потомъ, не вставая же съ мѣста, посолъ немного приподнявся подаль оной листъ дѣйствительному тайному совѣтнику фонъ-Миниху²⁹⁾, и по припятію того листа оной дѣйствительной тайной совѣтникъ фонъ-Минихъ отъ лица ея императорского величества на посольскую рѣчь сказалъ отвѣтъ слѣдующій:

„Ея императорскому величеству Ильбарсъ Магомедъ Багадырь-хана доброжелательное поздравленіе и присылка его посла пріятны, и пріемлетъ оное съ милостивнымъ удовольствіемъ, а о дѣлахъ вамъ приказанныхъ всемилостивѣйше повелитъ выслушать у васъ министрантъ своимъ и въ прочемъ общаеживастъ васъ, посла, своею императорского величества милостію“.

И по отправленіи того, допущенъ посолъ, купчина и ясаулъ къ рукамъ ея императорского величества. И пошли вонъ, уступая назадъ

спиннами, и на первомъ мѣстѣ ставъ наки на колѣни, учинилъ ея императорскому величеству три поклона до земли же. И вышедъ посолъ въ переднюю, присланные въ подарокъ мѣхъ и овчинки бухарскія сѣрыя и черныя отдалъ, и приняты дворцовыми служителями²⁹⁾. Отъ двора ея императорского величества до квартиры провождены тѣмъ же порядкомъ, какъ и приведены. По выходѣ того посла изъ дворца введены къ хоромамъ аргамакъ карій, да иноходецъ бурый и одинъ бабръ, и ея императорское величество изволили ихъ смотрѣть.

Почти годъ спустя по пріѣздѣ посла въ С.-Петербургъ, а именно 18-го мая 1741 года, поручено было статскому совѣтнику Петру Курбатову распросить Артыкъ Батыря о дѣлахъ, хапомъ съ нимъ порученныхъ. Посолъ отъ имени хана просилъ: 1) разрѣшить ввозъ изъ Россіи въ Хиву ружья, панцири и сталь, что было строго запрещено³⁰⁾; 2) позволить хивинскимъ купцамъ увозить съ собою на родину тѣхъ Калмычекъ и Татарокъ, на которыхъ они поженились въ Россіи. На оба эти ходатайства отвѣтъ послѣдовалъ отрицательный. Затѣмъ, Артыкъ Батырь заявилъ, что до него дошелъ слухъ о погромѣ Хивы шахомъ Надиромъ и о казни хана Ильбарса; а потому просилъ позволенія пожить пока въ Астрахани, такъ какъ боялся ѣхать въ свое отечество. Остаться въ Россіи ему было разрѣшено; но только не въ Астрахани, какъ хотѣлось посланцу, а въ другомъ какомъ-нибудь мѣстѣ.

Въ виду совершившихся въ Хивѣ событій ни отпускнуой аудіенціи посланцу не было, ни грамоты съ подарками хану не послано³¹⁾. Тѣмъ не менѣе посланца и свиту его не обидѣли: на прощанье имъ дано: послу 300 рублей, купчинѣ 50 руб., ясаулу 20 руб., духовному 12 р.; на 27 человѣкъ людей 150 р. Всего 532 рубля. Сверхъ того отпущено въ дорогу кормовыхъ на 2 мѣсяца 300 рублей. Мѣстомъ пребыванія Артыкъ Батыря назначена была Самара, гдѣ указано выдавать ему со всею свитою уже только по 30 р. въ мѣсяцъ. Въ іюлѣ 1741 г. Артыкъ Батырь отпущенъ изъ Москвы въ Тверь на 60 подводъ, а оттуда долженъ былъ ѣхать въ Самару водою. Къ нему опредѣленъ караулъ: 12 рядовыхъ при одномъ урядникѣ. 20-го сентября водворился посланецъ на жительство въ Самарѣ. А вскорѣ затѣмъ началось о немъ особое, долго тянувшееся дѣло.

Въ мартѣ 1742 года прибыли къ Яику Хивинцы, которыхъ спрашивали о положеніи дѣлъ въ Хивѣ, и которые заявили, что у нихъ избранъ на ханство Нурали, сынъ Абуль-Ханра хана, русскаго

подданнаго. Вслѣдствіе этого Соймоновъ и Пенлюевъ отправили изъ Самары запросъ, какъ имъ обращаться съ новымъ ханомъ: какъ съ подданнымъ русскимъ, или какъ-нибудь иначе, „чтобы не возбудить подозрѣнія у Персіянъ“, и въ то же время спрашивали, что имъ дѣлать съ хивинскимъ посломъ, Артыкъ Батыремъ, который живетъ въ Самарѣ, получаетъ кормовыя деньги по 30 рублей въ мѣсяцъ и заявляетъ еще, что такимъ содержаніемъ недоволенъ, ибо-де въ Петербургѣ получалъ онъ по 180 р. въ мѣсяцъ. На этотъ запросъ послѣдовалъ такой указъ: Нурали называть просто ханомъ безъ прибавленія слова „подданный“, Артыкъ Батыря отпустить домой, „попече отъ содержанія его въ Самарѣ напрасное иждивеніе происходить“. Когда объявили Артыкъ Батырю, что онъ можетъ ѣхать домой, и при томъ не черезъ Оренбургъ, такъ какъ онъ боялся Киргизовъ, а черезъ Астрахань, то онъ „не охотенъ явился“; но потомъ объявилъ, что черезъ Астрахань ѣхать готовъ. Выдали ему кормовыя деньги на мѣсяцъ 30 рублей и отпустили.

Но въ Астрахани посланецъ этотъ опять застрѣлъ со всею своею свитой и не хотѣлъ ѣхать въ Хиву ²¹). А ханы, между тѣмъ, при всякомъ удобномъ случаѣ требовали у насъ возвращенія Артыкъ-Батыря. Такое требованіе высказалъ ханъ Элказы (Абуль-Гази) Магомедъ Багадырь ханъ въ 1743 году черезъ посланца своего Алла-Верды ²²), и ханъ Каипъ черезъ Ширбека (1749—1752 гг.). Послѣднему было заявлено, что Артыкъ Батырь „волею своею въ Астрахани живетъ, а чтобы его выгнать изъ государства такого примѣру нѣтъ“, ибо каждому изъ ипородцевъ позволено жить, какъ въ Оренбургѣ, такъ и въ Астрахани. Наконецъ, въ іюнѣ 1757 года прибылъ въ Астрахань къ губернатору посланецъ Алла-Шукуръ съ просительнымъ отъ хана листомъ выслать изъ Астрахани Артыкъ Батыря съ женою и дѣтьми въ Хиву. По этому поводу изъ астраханской губернской канцеляріи отправлено было слѣдующее донесеніе отъ 30-го сентября 1757 года, съ извѣщеніемъ, какія мѣры были приняты въ Астрахани по отношенію къ этому зажившемуся у насъ посланцу, (въ началѣ приведена справка изъ прежнихъ резолюцій коллегіи, которая, какъ изъ дѣла видно, уже въ 1743 г. лишила Артыкъ-Батыря казеннаго продовольствія): „Указомъ ея императорскаго величества изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ о бывшемъ въ Россіи хивинскомъ посланцѣ Артыкъ-Батырѣ Разумбаевѣ... повелѣно: 1) прошлаго 1743 года декабря отъ 24-го дня: ежели оной посланецъ Артыкъ-Батырь изъ Астрахани въ Хиву ѣхать не похочетъ, въ

такимъ случаѣ квартирн, караулъ, кормовыхъ денегъ ему не давать и объявить ему, чтобъ онъ посломъ уже не назывался, и когда онъ въ Астрахани будетъ жить по его собственной волѣ, то-бъ жилъ своимъ коштомъ; 2) прошлаго 1744 года сентября 3 дня, что касается до прошенія его Артыкъ-Батыря о принятіи его въ протекцію Россійской имперіи и о дозволеніи жить ему въ Астрахани и когда въ томъ не безъ пользы быть можетъ и безъ сумнѣнія имѣютъ въ Астрахани жительство и другіе хивинскіе кунцы, и претензіи о нихъ никакой со стороны хивинскихъ хановъ не происходитъ, то-бъ и оному Артыкъ-Батырю о житіи его въ Астрахани дать позволеніе и въ томъ, и въ отводѣ ему потребной на пашню и сѣнокосъ земли, поступить по разсмотрѣнію. Токмо ему Артыкъ-Батырю въ силѣ оного указа, за немнѣніемъ отъ него прошенія, никакого мѣста на пашню и сѣнокосъ дано не было, и жительство имѣлъ онъ въ Астрахани по своей волѣ. А сего 1757 года іюня 6-го дня отъ хивинскаго хана чрезъ посланнаго отъ него человѣка Алла-Шукура получено здѣсь писмо на имя генералъ-маіора и астраханскаго губернатора Жилина, которымъ онъ проситъ, чтобъ его, Артыкъ-Батыря, со имѣющеюся при немъ свитою, съ женами и дѣтьми и съ его экипажемъ тому посланному его препоручить и съ нимъ въ Хиву отпустить, и тѣмъ показать знакъ благосклонности...." Далѣе въ томъ же доношеніи сообщается, что жена Артыкъ-Батыря не подданная русская: „въ 1742 году при возвращеніи его Артыкъ-Батыря изъ С.-Петербурга куплена имъ въ жену въ городѣ Самарѣ у бывшихъ тамъ киргизъ-кайсацкихъ аманатчиковъ“; съ нею-то и прижилъ онъ двухъ сыновей. Присяги „на подданство не принималъ. А такъ какъ ханъ теперь пишетъ, чтобы отпустили Артыкъ-Батыря въ Хиву, „о чемъ и онъ Артыкъ-Батырь самъ проситъ“, то астраханскій губернаторъ и отправилъ его на родину вмѣстѣ съ женою и дѣтьми. Въ Россіи пробылъ онъ 19 лѣтъ.

Въ Хивѣ Артыкъ-Батырь, по видимому, не подвергся никакой опасности; по крайней мѣрѣ родной братъ его, Алла-Шукуръ-бай, пріѣзжавшій въ Астрахань въ 1762 г. отъ Темиръ-Гази-хана, сказывалъ, что братъ его командовалъ въ то время въ Хивѣ семитысячнымъ корпусомъ.

Затѣмъ дальнѣйшихъ извѣстій объ этомъ замѣчательномъ посланцѣ у насъ не имѣется.

Сравнивая оба эти пріѣзда посланцовъ, видимъ, что пріемъ у насъ пословъ въ теченіе столѣтія значительно измѣнился; въ XVIII столѣтіи мы усвоили много европейскихъ обычаевъ въ дѣлѣ международныхъ сношеній съ Востокомъ. Только Средне-Азіаты нисколько не измѣнились, старались обирать насъ по прежнему и обманывали—это ихъ главное стремленіе—еще удачнѣе, потому что мы меньше стали понимать Азію, чѣмъ понимали столѣтіемъ раньше. И это видно изъ тѣхъ наказовъ, называвшихся въ древности „памятью“, которые давались посламъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ при отправленіи ихъ на Востокъ²⁴⁾. Тамъ съ удивительною тонкостью предугадывались всѣ вопросы, которые могли быть предложены послу въ чужой землѣ, и тутъ же давались на нихъ отвѣты. Такое глубокое пониманіе Азій происходило главнымъ образомъ изъ того, что посламъ нашимъ вмѣнялось въ непремѣнную обязанность представить, по возвращеніи, подробный отчетъ о положеніи тѣхъ странъ, которыя они посѣщали,—и это главная польза отъ нашихъ посольствъ въ Среднюю Азію. А кромѣ того, при отправленіи, послаппика знакомили со всѣмъ тѣмъ, что было сдѣлано его предшественниками и что имъ было достигнуто. Относительно западной Европы мы во многихъ отношеніяхъ пребывали въ невѣдѣніи, писали грамоты государямъ давно уже умершимъ; но Азію знали превосходно. Вслѣдствіи дѣло пошло какъ разъ на оборотъ. Въ XVIII столѣтіи въ инструкціяхъ посламъ не говорится уже о томъ, на примѣръ, что они не должны на аудиенціяхъ и пріемахъ садиться ниже другихъ пословъ, по за то требуется отъ нихъ прежде всего стараться заключать письменные договоры, которые въ Средней Азій не имѣли и не имѣютъ никакого значенія, а намъ, напротивъ, они стѣсняли свободу дѣйствій. У насъ стали обращать вниманіе на мелочи и упускать изъ виду дѣйствительные интересы²⁵⁾.

Мы многое стали прощать ханамъ. Мы простили, на примѣръ, разграбленіе нашего каравана въ 1732 году Киргизскимъ султаномъ Батыремъ въ то время, какъ Орда присягала на подданство Россіи²⁶⁾. Мы простили грабежи Киргизовъ, учиненные ими въ нашихъ уже предѣлахъ во время Пугачевщины. Мы долго не принимали никакихъ мѣръ противъ Хивы, сдѣлавшейся съ XVIII столѣтія главнымъ рынкомъ для сбыта русскихъ невольниковъ въ сосѣднія ханства, и не знали, какъ приступить къ усмиренію этого хищника²⁷⁾.

Примѣчанія.

1. Въ 1669 году Бухарскій ханъ Абдуль-Азизъ въ грамотѣ своей, отправленной къ Алексѣю Михайловичу съ посломъ Мулло Форрухомъ, писалъ: „А какъ между вами и нами путь будетъ чистъ, чтобъ намъ обонимъ государямъ держать ссылку, и что вамъ великому государю будетъ въ нашемъ государствѣ годно, и мы отъ вашихъ подданныхъ не будемъ скрытно быть, и чтобъ между обонимъ нами послы ходили безурывно о добрыхъ дѣлѣхъ съ поминки“.

Съ подобнымъ же предложеніемъ прїѣзжалъ къ Петру Великому въ 1705 г. отъ Бухарскаго хана Абайдуллы (Убейдъ-уллы) Магометь Богадыря Алимъ-бекъ Кочекъ Вековъ и получилъ благопріятный отвѣтъ. Вообще, во всѣхъ грамотахъ торговля стоитъ на первомъ планѣ. Приводимъ, для образца, цѣликомъ грамоту къ Алексѣю Михайловичу отъ Юргенскаго (Хивинскаго, по главному городу ханства, Ургенчу) хана Аनावши (Ануши), присланную съ боярскимъ сыномъ Иваномъ Федотьевымъ:

„Въ Месіевѣ законѣ честному и благодатному и праведному великому государю превысочайшему и многихъ государствъ государю, Бѣлому царю, всея Россіи самодержцу, аки солнцу сіяюще и надъ всѣми христіанами великому государю и христіанскаго закона правителю любительное наше поздравленіе. Прислали вы къ намъ съ любительными своими грамотами Ивана Матѣева (Федотьева) подкрѣпить дружбу и любовь предковъ вашихъ и нашихъ, какъ бывало напередъ сего между нами дружба и любовь. И тотъ вашъ присланной грамоту вашу намъ подавъ, и мы грамоту вашу принявъ и рѣчи выслушали и выразумѣли, и то намъ учинилось пріятно, что дружбу съ вами подкрѣпить и выше прежнего въ дружбѣ быть; а которыя ссоры межъ нами напередъ сего были, и нынѣ мы тѣ ссоры отложили и впредъ то ни которыми дѣлами помнито не будетъ, и отъ нынѣшняго времени учинились въ соединеніе, чтобъ между нами на обѣ стороны путь былъ чистъ и послы бѣ и посланники ссылались и всякимъ торговымъ людямъ ѣздить и торговать повольно противъ предковъ, какъ напередъ сего между нами ссылка бывала безъ урыву, и нынѣ мы, хотя съ вами быти въ дружбѣ и любви, послали къ вамъ посла своего и честнаго человека Поланъ Кулу Богадыря, и вамъ бы для нашей дружбы и любви посла нашего пожаловать достойною честію и рѣчамъ его во всемъ повѣрять, потому что посланъ отъ

насъ для нашей дружбы и любви съ полнымъ наказомъ. И о чемъ вамъ великому государю тотъ нашъ посолъ учнетъ говорить, и вамъ бы пожаловать всякія дѣла его велѣть совершить. Потомъ подай Господь Богъ вамъ великому государю благодать свою и надъ недруги одолѣніе". Переводъ съ фарсовскаго письма. Съ фарсовскаго, значить, съ персидскаго; но это невѣрно, потому что вся переписка съ ханами у насъ велась на татарскомъ языкѣ, какъ это было и на сей разъ.

Но можетъ быть, торговля съ Хивой и другими ханствами доставляла нашимъ торговцамъ большіе барыши? Было изъ-за чего хлопотать? А вотъ что говорить про эту торговлю Иванъ Федотьевъ въ своемъ статейномъ спискѣ: отъ нея (торговли съ Хивой) русскимъ людямъ „большіе прибыли и пожитковъ не чаятъ". Восемьдесятъ лѣтъ спустя, въ 1750 году, два русскіе торговца татарина, Абдулла Хаялинъ и Кубекъ-бай Назаровъ, бывшіе въ Хивинскомъ ханствѣ, доносили, что торгъ въ городѣ Хивѣ „малой да и то только по пятницамъ бываетъ. Чего де ради тутъ чрезъ то время ничего и не продали; переѣхали оттоль хивинскаго же владѣнія въ городъ Урганичъ", и тамъ ничего не продали. Но пошлину за товаръ съ нихъ взыскали исправно.

Въ слѣдующемъ году былъ въ Хивѣ и Бухарѣ Шарипъ Бекметовъ вмѣстѣ съ другими прикащиками, и по возвращеніи доносилъ, что въ Хивѣ ничего не продалъ, а въ Бухарѣ долженъ былъ продать за что придется, и большею частію въ долгъ, чтобы только сбыть товаръ. Также поступили и его товарищи. Въ заключеніе говоритъ онъ, что отъ такого торгу „пользы никакой нечаятельно, но еще убытку". Не изъ-за чего же было и хлопотать такъ ханамъ о торговлѣ. Очевидно, что эта торговля была нужнѣе для Средней Азіи, чѣмъ для насъ.

2. Больше другихъ тѣснили нашихъ купцовъ Хивинскіе ханы, которые въ своихъ грамотахъ особенно часто вызывались покровительствовать торговымъ сношеніямъ, а ханы Ануша и сынъ его Аранъ просили даже наше правительство построить городъ у „Трухменской пристани". Иванъ Хохловъ, по возвращеніи изъ Бухары заявилъ въ посольскомъ приказѣ, что ему и находящимся при немъ людямъ отъ Юргенскаго царя Абеша и отъ Ильбарса царевича „была многая тѣснота и убытки великіе". Знаменитѣйшій изъ Хивинскихъ хановъ, Абуль-Гази, ограбилъ въ 1646 году русскихъ купцовъ, имѣвшихъ товаровъ на 10,257 рублей, а самихъ ихъ, въ числѣ 15 чело-

вѣкъ, посадилъ въ тюрьму и намѣревался раздать въ неволю. Только бѣгствомъ избавились они отъ такой участи. И что же,—прервалъ ли Абуль-Гази сношенія съ Россіей послѣ такой богатой добычи? Пичуть не бывало. Въ томъ же 1646 году отправилъ онъ въ Москву гонца Шихъ Бабу съ поздравительною грамотою къ Алексѣю Михайловичу и съ просьбою продолжать торговныя сношенія съ Хивой и отпустить въ это ханство задержанныхъ въ Астрахани хивинскихъ пословъ, Назара и Эмина. Послы эти прибыли отъ прежняго хана и были задержаны вслѣдствіе грабежа Абуль-Гази. Гонцу этому говорили въ Астрахани: „Какъ же царь его пишетъ, чтобы торговые люди русскіе ходили въ Хиву, а самъ ихъ обираетъ и въ тюрьму сажаетъ?“ Гонецъ оправдывалъ хана тѣмъ, что не такъ давно разграбили въ Астрахани караванъ хивинскій, а сыску не сдѣлано. На это астраханскіе воеводы замѣтили гонцу, что у Русскаго царя такихъ разбоевъ никогда не бываетъ, а что хивинскій караванъ разграбили въ степи близъ Яика Татары, и что государь посылалъ противъ нихъ своихъ воеводъ, и они тѣхъ воровъ перенимали и многіе грабежныя животы сыскали, и что сыскали, то все имъ Юргенцамъ торговымъ людямъ отданы“. Уличенный въ такой нахальной лжи, Шихъ Баба не смутился, а тутъ же возразилъ, что „онъ присланъ къ царскому величеству его великого государя поздравлять на его царского величества великихъ и преславныхъ государствахъ съ грамотою, а не о грабежныхъ животахъ и не о ссорахъ; а о тѣхъ де ссорахъ прислалъ къ царскому величеству Абылгазы царь (не Абуль-Гази, а Исфендіаръ) посла своего Эмина, и нынѣ онъ живетъ въ Астрахани, онъ де и отвѣтъ вамъ дастъ“. Вотъ какіе остроумные дипломаты являлись къ намъ изъ Средней Азіи. Просьба хана не была, однако, уважена, имущество пословъ и гонца пошло на уплату потерпѣвшимъ русскимъ купцамъ, а такъ какъ такимъ путемъ вознаградилась только часть убытковъ, то послы изъ-подъ ареста не были освобождены. Впослѣдствіи, уже въ 1654 году, правительство наше соглашалось удовольствоваться съ пословъ половиною оставшейся не уплаченной суммы и отпустить ихъ на родину, если бы они дали въ томъ на себя росписки (крѣпостныя письма). Чѣмъ кончилось это дѣло, сказать не можемъ, только изъ дѣла о пріѣздѣ въ Москву хивинскаго посла (1657—1658 гг.) Девлетъ-Мамбетъ Батыря Шукурова видно, что Эминъ и всѣ его товарищи умерли въ Астрахани въ моровое повѣтріе.

Въ 1695 году, передъ отправленіемъ въ Индію, черезъ Хиву,

Семена Маленькаго, подана была гостемъ Сергѣемъ Лабазинымъ челобитная, въ которой онъ заявлялъ, что его торговые люди, Захарка Григорьевъ, Федька Горѣловъ, Алешка Семеновъ, отправившіеся изъ Астрахани въ Бухару, были задержаны въ Хивѣ ханомъ Араномъ (Арабъ-ханомъ), при чемъ товары ихъ и верблюдовъ ханъ забралъ на себя, а людей частію раздарилъ, частію продалъ въ неволю. Тотъ же ханъ задержалъ въ Хивѣ русскаго подданнаго новокрепченна, торговца Алексѣя Мурасова (Дѣло по памяти изъ приказа большія казны въ Посольскій приказъ о посылкѣ къ Хивинскому хану Аранъ Багатырю грамоты съ купчиною гостининой сотни Маленькимъ 1695=7203 г.). Замѣтимъ, что ханъ этотъ нуждался въ поддержкѣ со стороны Россіи, что вскорѣ же выразилось прошеніемъ его къ императору Петру о принятіи его въ русское подданство. Затѣмъ, ханъ Каипъ, который просто осаждалъ оренбургскаго губернатора Неплюева просьбами установить съ Хивою постоянное движеніе торговыхъ каравановъ, отнялъ въ 1752 г. товары у нашихъ купцовъ, прибывшихъ туда по его приглашенію и задержалъ посланныхъ къ нему изъ Оренбурга дипломатическихъ чиновниковъ.

Эти притѣсненія крупныя и повторялись, конечно, не часто; но по нимъ все-таки можно судить о тѣхъ мелкихъ придирикахъ, которыя позволяли себѣ хивинскіе ханы по отношенію къ русскимъ посламъ и торговцамъ, нисколько не заботясь о будущемъ и думая только удовлетворить свою алчность и корыстолюбіе.

3. Хивинскій посолъ Абреимъ Ажизовъ, пріѣзжавшій въ 1691 г. отъ хана Арана (у Сенковского—Эренкъ; Араномъ называли у насъ Арабъ-хана), преемника Ануши хана, между прочимъ, заявилъ, что въ 1686 г. приходили яицкіе казаки числомъ въ 1500 человекъ, въ хивинскія юрты войною. Сообщая объ этомъ думному дяку Украинцеву, просилъ объявить ему, послу: „тѣ яицкіе казаки приходили на нихъ войною за указомъ ли великихъ государей или своевољствомъ?“ Дьякъ навелъ справку объ этомъ дѣлѣ и извѣстилъ посланца, что „тѣ казаки ходили безъ указу“.

4. Каковы присылались къ намъ отъ хановъ подарки, можно судить по слѣдующему припѣру. Въ 1745 г. прибылъ въ Астрахань посланецъ, Хаджи Мухаммедъ Ахунъ мулла Турсуновъ, отъ хивинскаго хана Абуль-Гази, сына Ильбарсова. Привезъ онъ императрицѣ въ подарокъ отъ хана лошадь. Ко двору пропущенъ онъ не былъ, такъ какъ правительство наше сомнѣвалось въ независимости Хивы, незадолго предъ тѣмъ разгромленной персидскимъ шахомъ Надиромъ.

По поводу же подарка астраханскій губернаторъ Татищевъ писалъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ такое заявленіе: „а подарочная де лошадь самая простая, кою за 15 или за 20 рублей купить можно, къ тому жъ и хромаетъ, и того ради повѣлено ли будетъ оную ко двору отправить: яко въ проводѣ ея до Санктъ-Петербурга или до Москвы, болѣе денегъ издержано будетъ, нежели что она сама цѣною стоитъ“.

Этотъ же посланецъ можетъ служить образцомъ тѣхъ попрошавъ, которые являлись къ намъ въ качествѣ пословъ изъ среднеазиатскихъ владѣній. Когда ему заявили, что ко двору его не пропустить, то онъ отдавая ханскій листъ губернатору умолялъ, „дабы не оставленъ онъ былъ награжденіемъ противъ прежнихъ посланцевъ, объявляя, что онъ въ проѣздѣ своемъ чрезъ толь дальней путь, понесъ немалые убытки“. Вотъ что имѣли въ виду всѣ посланцы, являясь къ намъ въ качествѣ представителей интересовъ своего народа. Но какіе же это были представители? При продажности въ Средней Азій званія посла имъ могъ быть любой торгашъ, безъ разбора. И дѣйствительно, въ качествѣ пословъ въ большинствѣ случаевъ являлась къ намъ всякая дрянь, на томъ основаніи, что невѣрные и не заслуживаютъ лучшихъ представителей. Таковъ былъ и бухарскій посланецъ Мулладжанъ, пріѣзжавшій къ намъ въ 1857 году. Онъ до того надоелъ своимъ попрошайствомъ Оренбургскому начальству, что то не жалѣло уже издержекъ, чтобы только выпроводить его скорѣе на родину. Но вотъ въ отвѣтъ на посольство полковника Игнатьева прибылъ къ намъ изъ Бухары посолъ необыкновенно важный, Токсаба Неджмъ-уд-динъ, второе лицо послѣ Эмира, управлявшій дѣлами ханства во время разтѣздовъ Эмира,—и что же? Когда ему предложили на выборъ получать содержаніе деньгами или натурой, то заявилъ, что пріѣхалъ не за деньгами и сталъ брать натурой, что намъ обошлось гораздо дороже. Но какъ только ему предложили 600 р. за путевыя издержки отъ Сыра до Орска, то взялъ съ удовольствіемъ.

И все-таки эти посланцы всякій разъ успѣвали выговорить что-нибудь въ пользу своего государства въ ущербъ нашимъ торговымъ интересамъ, и особенно въ текущемъ столѣтіи.

- 5. Въ 1633 г. пріѣзжалъ въ Москву отъ Хивинскаго хана Исфендіяра посолъ Хози Магометъ Вогадырь съ грамотою, въ которой ханъ изъявлялъ желаніе свое къ возобновленію взаимной пересылки и торговли и просилъ прислать ему добрый панцырь. Затѣмъ,

въ 1642 году два посла отъ того же хана, Авязь-бекъ и Кошутъ, привезли довольно интересную грамоту, въ которой ханъ хивинскій просилъ Московскаго царя ссылаться съ нимъ „поминками“ и изъ-являлъ желаніе, чтобы торговые люди „на обѣ стороны ходили безъ зацѣпокъ“; а въ заключеніе, въ выпискѣ о грамотѣ, сказано: „да онъ же Исфендіаръ царь хотеть женить сына своего и просить у царского величества, чтобы царское величество его пожаловалъ, велѣлъ прислать къ нему для свадебнаго подъему денегъ нѣсколько“. Сыну же хана, Сейтѣ, писалъ къ царевичу Алексію Михайловичу: „а будетъ изволятъ государь царевичъ къ нему прислать соболей, да лисицъ добрыхъ черныхъ, да къ нему же бы прислать дѣвку Черкаску добрую, и то де ему будетъ гораздо пріятно и въ любовь“. Хотя царь и не удовлетворилъ этой просьбы вполнѣ, однако не оставилъ и безъ послѣдствій. Въ дѣлѣ объ этомъ посольствѣ записано: „а въ Юргенчи по государеву указу послано: Исфендіару царю за его дары и по запросу для свадебнаго подъему соболями на 400 рублей. Сыну его, Сейту царевичу, вдвое противъ его даровъ на 100 рублей“¹⁾.

¹⁾ Дѣлаемъ замѣчаніе по поводу Сейта. Въ 1641 г. отправлены были въ Хиву и Бухару въ посланникахъ Астраханецъ Савинъ Гороховъ и посадскій Анисимъ Грибонъ, въ Хивѣ уже бывавшій. Первый умеръ на Калмыцкой пристани, второй отправился по назначенію. Дорогою Грибовъ узналъ, что „Юргенскаго Исфендіара царя не стало въ животъ, а на его мѣсто воцарился нынѣ въ Юргенцахъ его Исфендіара царя Сейтъ царевичъ и владѣть-де Юргенчемъ городомъ и всею своею областью по прежнему, какъ и отецъ его“. Грибовъ представился Сейту, передалъ возложенныя на него порученія, и въ концѣ 1643 г. отправился дальше въ Бухару. Тамъ пробылъ онъ довольно долго и былъ свидѣтелемъ завоеванія Хивы бухарскимъ ханомъ Надиръ Мухаммедомъ: „И еевраля 20 дня... бухарскій Надиръ Маметъ царь послалъ изъ Бухаръ подъ Хиву и подъ Азаристъ (Гевараспъ) ближнего своего царскаго человека Узбекъ Хозю, а съ нимъ воинскихъ людей двѣ тысячи человекъ и приказалъ Хиву и Азаристъ взять, а царя Сейта велѣлъ предъ себя привести. И Узбекъ-Хозя пріѣхалъ подъ Хиву и подъ Азаристъ и города осадилъ; и хивинскаго Сейта царя ближніе люди, поговори съ черными людьми, бухарскаго Надиръ Мамета царя съ воинскими людьми бою не учинили, Хиву и Азаристъ сдали, бухарскаго царя людей въ городъ пустили, своему юргенскому Сейту царю извѣстили и его самого Сейта царя и съ братомъ Ушреемъ Солтаномъ и съ матерью привезли въ Бухару... и Надиръ Маметъ царь взялъ Юргенскаго царя съ братомъ и съ матерью, поѣхалъ съ ними въ Балъхъ городъ. И нынѣ бухарской Надиръ Маметъ царь владѣть Хивою и Азаристомъ“. На обратномъ пути Грибовъ былъ въ Хиву въ іюлѣ 1644 года, прожилъ тамъ 6 недѣль и видѣлъ заведенные

Во время переговоровъ съ бухарскимъ посломъ Аджи Фарукомъ, (то-есть, Хаджи Фарукомъ), приѣзжавшимъ въ Москву въ 1669 году, на вопросъ у него—какіе поминки ханъ желаетъ получить, посолъ заявилъ, чтобы государь „изволилъ послать кречетовъ да часы боевые, а къ нимъ колоколъ пуда въ полтора или въ два и съ часовникомъ, да цымбалы и къ нимъ играца и наказать тому часовому мастеру и цымбальному играцу, чтобы они, покажи́ста царского величества посланникъ у хана побудеть (съ Хаджи Фарукомъ отправлялись въ Бухару братья Пазухины), часовникъ бы часовъ заводилъ изъ тамошнего народу кого, а цымбальной играецъ хановыхъ играцовъ на цымбалѣхъ играть научили бы“. Эти-де поминки государя пріятнѣе всего хану будутъ.

Наиболѣе интересную просьбу привезъ въ 1761 г. бухарскій посланникъ Кули-бекъ топчи-баши. Онъ передалъ, что ханъ, извѣстившись о побѣдахъ, одержанныхъ государемъ надъ Шведами, и наслышавшись о храбрости этого народа, проситъ прислать ему дѣвать Шведокъ.

Хивинскій посолъ отъ хана Ядигера, Ашуръ-бекъ, въ 1714 году, просилъ 6 маленькихъ пушекъ для войны противъ Каракалпакъ, и просьба эта была исполнена.

Случалось, надо замѣтить, и намъ обращаться къ азіатскимъ государямъ съ просьбой о присылкѣ денегъ. Отправленный въ Персію князь Михайло Барятинскій (въ 1618—1624 годахъ) вручилъ шаху Аббасу грамоту, въ которой царь просилъ „по настоящему военному времени вспомогательной казны“ для борьбы съ Жигмонтомъ (Персидскія дѣла, книга № 6; стат. списокъ, связка 1/а, № 1). И одинъ разъ такая просьба была даже удовлетворена.

Панцыри озабочивали также и нашихъ царей. При отправленіи въ Персію въ гонцахъ жильца Ивана Свѣзева (который, однако,

въ Хивѣ Вухарцами порядки. Абуль-Гази разсказываетъ дѣло нѣсколько иначе. Во первыхъ, о ханствованіи Сейта не говоритъ онъ ни единого слова; во вторыхъ сообщаетъ, что сыновей Иссеңдіра выдалъ Надиру Туркмены. Но намъ кажется, что преимущество въ этомъ случаѣ надо отдать русскому послу, на глазахъ котораго совершились эти событія и который къ тому же лично убѣдился во вѣрности Туркменъ къ бухарскому хану. Но кто же этотъ Сейтъ ханъ? Сейтъ (Сейидъ)—не имя, а духовный титулъ, принимаемый ханами по родству съ потомками Мухаммеда, объ имени же его въ документахъ нашихъ не говорится. По Абуль-Гази у Иссеңдіра осталось два сына: Юшанъ и Ашресъ (Ушресъ—у Гривова); несомненно, стало быть, что подъ названіемъ Сейта въ Хивѣ былъ ханомъ Юшанъ.

отправленъ не былъ, а вмѣсто него ѣздилъ Иванъ Хвостовъ) составлена была въ 1661 году „память“ что купить въ Персіи для государственной оружейной палаты, и въ этой „памяти“ одно изъ первыхъ мѣстъ занимаютъ панцири. Сверхъ того, гонцу поручалось „призвать на годъ или на два мастеровъ 2 человѣкъ, которые бы умѣли панцири дѣлать и починивать; 2-хъ же человѣкъ, которые умѣли булатныя и желѣзныя сабли заваривать доброю кизылбашскою и черкескою заваркою; 1-го человѣка, который бы умѣлъ писать сѣдла и древка, чтобы имъ на Москвѣ научить учениковъ, а говорить имъ, чтобы они на государскую милость были надежны, шли къ Москвѣ не опасаясь никакія скудости: на Москвѣ имъ будутъ кормы довольныя. А какъ они на Москвѣ учениковъ научатъ, и великій государь за то ихъ мастеровъ своимъ государевымъ жалованьемъ велитъ отпустить въ свою землю безъ задержанья“ (Персидскія дѣла, книга № 14, листъ 265).

Птицы и звѣри, посылаемые въ видѣ подарка къ азіатскимъ государямъ, не продавались, по видимому, иностраннымъ купцамъ, а если и продавались, то съ ограниченіемъ, какъ это можно видѣть изъ дѣла, возникшаго у насъ въ 1621 г. по запросу астраханскаго воеводы Семена Прозоровскаго съ товарищи: продавать ли оставленнымъ въ Астрахани отъ шаховыхъ пословъ и купчинъ людямъ, между прочими товарами, соколовъ, ястребовъ и болобановъ? На этотъ запросъ послѣдовалъ отпускъ государственной грамоты о непродажѣ онымъ Персіанамъ не токмо хорошихъ птицъ, но и лучшихъ соболей, лисицъ, горпоставовъ и бѣлокъ, дабы не одешевить чрезъ то посылаемые къ шаху подарки (Персидскія дѣла, связка 3/а, № 1).

Интересныя свѣдѣнія о ханѣ Ядигерѣ сохранились въ нашихъ документахъ, и только въ нихъ. Въ грамотѣ его къ Петру Великому читаемъ: «Божію милостію и молитвою, принявъ себѣ въ Меккѣ благословеніе и бывъ у гроба Магометова и у всѣхъ тѣхъ святыхъ мѣстъ, пріѣхавъ изъ Индѣйской земли въ прошломъ 1124 году (1712) мѣсяца джумазиля 14-го дня, и воспріявъ и отъда своего мѣсто Хивинскаго ханства, и всею Хивинскою землею нынѣ и владѣю». О происхожденіи его посланецъ, Ашуръ Бекъ сообщилъ, что Ядигеръ Мухаммедъ Бегадуръ былъ сынъ Ануши хана и, спустя 8 мѣсяцевъ по иступленіи на ханство, отправилъ посла къ Петру Великому съ поздравленіемъ¹⁾.

Такимъ образомъ теперь выясняется, кто былъ этотъ Ядигеръ.

¹⁾ Въ своемъ «Очеркѣ историко-географическихъ свѣдѣній о Хивинскомъ ханствѣ», С.-Пб. 1877, стр. 162 — 163, мы считали хана Ядигера отдѣльнымъ

Особенно щедрый подарокъ достался на долю хивинскаго хана Арана въ 1703 году. Съ носломъ Достакъ Багадыремъ, который словесно сообщилъ, что ханъ желаетъ быть въ подданствѣ у Петра Великаго, отправлено этому хану 1000 золотыхъ червонцевъ, 40 соболей добрыхъ, да 3 кречета.

Раньше у насъ заявлялось, что Петръ Великій самъ отправилъ хану Арану подтвердительную грамоту о принятіи его въ Русское подданство; изъ дѣла же о пріѣздѣ Достака видно, что грамота эта (отъ 30-го мая 1703 года) отправлена вслѣдствіе просьбы самого хана, хотя и переданной словесно черезъ посланца.

6. И надо замѣтить, мѣра эта всегда имѣла успѣхъ, только, къ сожалѣнію, рѣдко принималась къ дѣлу. Послѣ притѣсненій, которыми испыталь въ Хивѣ русскій посланникъ Иванъ Хохловъ, въ Москвѣ были задержаны хивинскіе посланцы Махтамбай и Хаджи Исупъ, прибывшіе въ 1625 году, а ихъ пожитки конфискованы. Узнавъ о томъ, новый ханъ хивинскій, Исфендіаръ, отправилъ въ 1633 г. посланца въ Москву Хози Магометь Багадыря съ просьбой отпустить пословъ и возвратитъ ихъ пожитки. Задерживать дольше пословъ, очевидно, не было надобности, и они получили свободу, но имущество имъ не возвратили, такъ какъ не были возвращены отнятыя у Хохлова вещи. И ханъ Исфендіаръ во все свое дальнѣйшее ханствованіе Русскихъ, проникавшихъ въ Хиву, не притѣснялъ. Осторожнѣе сталъ и Абуль Гази, послѣ урока, даннаго ему за ограбленіе русскихъ торговцевъ (см. примѣч. 2). Еще разъ отнявъ у русскихъ торговцевъ деньги въ количествѣ 2765 р. 10 алтынъ, онъ самъ же спѣшилъ донести о томъ русскому правительству черезъ посла Девлетъ Маметка (1654 г.), но старается замаскировать дѣло тѣмъ, что де взялъ онъ у нихъ эти деньги на сбереженіе изъ опасенія, чтобы не отняли ихъ во время обратнаго пути торговцевъ Туркмены, такъ „чтобъ межъ нами ссоры въ томъ не было“, заявлялъ онъ. Въ то же время просилъ возобновить торговля сношенія и отпустить посла Эминя Багадыря, котораго онъ послалъ къ государю, но „астраханскіе наши воеводы до васъ государя того нашего посла не допустили и тѣ наши поминки и посольскіе животы торговые люди понмали въ Астрахани

-лицомъ отъ Мухаммедъ Багадура, тогда какъ это имя одного хана. Въ такую ошибку мы были вовлечены Я. В. Хамыковымъ, который въ своей «Пояснительной запискѣ къ картѣ Хивинскаго ханства» (*Зап. Геогр. Общ.* кн. V, стр. 272, 273), сдѣлалъ такое раздѣленіе.

(гра)бежемъ и на правѣжѣ мучили (безъ) милости и дву человекъ замучили (на пра)вѣжѣ до смерти. А нынѣ мы съ гонцомъ своимъ Девлетъ Маметемъ къ вамъ государю въ поминкахъ (послали) двѣ камки золотыхъ да два а велить поминки вамъ го(сударь) поднести послу своему Иминю Багатырю". Столѣтіемъ позже, можетъ быть, подобная грамота и имѣла бы успѣхъ; но въ XVII на нее отвѣчали, съ тѣмъ же посломъ, что прежде всего Абуль Гази долженъ освободить задержанныхъ русскихъ людей, прислать въ Астрахань бухарскихъ зеңденей на 2765 р. 10 алтынь по бухарской цѣнѣ, и тогда хивинскіе послы будутъ освобождены и можно будетъ повести рѣчь о торговыхъ сношеніяхъ. Чѣмъ кончилось это дѣло, свѣдѣній не имѣемъ.

Удачно примѣнена была эта мѣра въ 1753 г., чтобы заставить Хивинскаго хана Каипа освободить нашихъ чиновниковъ, имъ задержанныхъ, и накопецъ еще разъ во время похода въ Хиву въ 1839 г. Мѣра эта имѣетъ, конечно, большое неудобство: тутъ страдаютъ люди ни въ чемъ неповинные; вся вина ихъ состоитъ развѣ только въ томъ, что родились они Хивинцами. Но съ практической стороны она заслуживаетъ полного одобренія. Въ Азіи гуманности не понимаютъ, и не мы, конечно, виноваты въ этомъ. Цѣлыми тысячелѣтіями воспитывались тамъ народы въ страхѣ и привыкли уважать только силу, а потому всякое снисхожденіе принимаютъ они за слабость и соразмѣряютъ съ этимъ свое поведеніе. Замѣтимъ кстати, что точно такая же мѣра практиковалась въ Ганзойскомъ торговомъ союзѣ. За неплатежъ или неисполненіе договора однимъ купцомъ, конфисковались товары у всѣхъ его соотечественниковъ купцовъ, если самого его достать было нельзя.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что въ XVI столѣтіи съ среднеазіатскими посланцами у насъ не заигрывали, какъ въ послѣдствіи, и поступали самымъ рѣшительнымъ образомъ. Когда въ 1670 году посланецъ отъ Анавши, Цолванъ Кули бекъ, вздумалъ искать вознагражденія за убытки, причиненные ему Стевкою Разиннымъ, то получилъ отвѣтъ, что это дѣло „надо оставить на волю Божию", тѣмъ посланцу и пришлось удовольствоваться. Теперь мы такой поступокъ назовемъ, разумѣется, несправедливымъ; но съ точки зрѣнія XVII столѣтія дѣло представляется совсѣмъ иначе. Нельзя же въ дѣлѣ сношеній съ Востокомъ требовать отъ насъ большей справедливости, чѣмъ мы сами тамъ видѣли. А ужъ, конечно, ханъ Хивинскій поступилъ бы

точно также, если бы дѣло случилось на оборотъ. Надо принять во вниманіе духъ нравовъ и понятій того времени.

Съ царствованія Екатерины Великой по отношенію къ Средней Азійи начинаетъ преобладать у насъ гуманность и опасеніе раздражить хановъ. Не за долго предъ тѣмъ, въ 1758 году при Астраханскомъ портѣ были учреждены двѣ коммерческія компаніи. Одна изъ нихъ имѣла въ своемъ вѣдѣніи восточное побережье Каспійскаго моря. Вскорѣ же начались отъ нея нѣкоторыя притѣсненія для хивинскихъ купцовъ, что вызвало пріѣздъ къ намъ посланца Алла Шукуръ-бая, который жаловался на отягощеніе въ Россіи хивинскихъ купцовъ пошлинами. И вотъ, въ дѣлѣ о пріѣздѣ этого посла находится такое мнѣніе, идущее отъ высшаго правительства по въ пользу компаніи: „я какъ такой развратъ между компаніею и купцами произошелъ и что Хивинцы и Бухарцы, злобясь за оное притѣсненіе, могутъ Россійскихъ людей захватывать въ плѣнъ“. Компанія была закрыта. Какими были Средне-Азіаты въ XVII столѣтіи, такими остались они и въ XIX. Хивинцы, не смотря на всѣ праждебшія къ намъ дѣйствія въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, а именно: грабительства Киргизовъ, посылка къ нимъ эмиссаровъ съ возмутительными письмами, притѣсненія русскихъ торговыхъ каравановъ въ Хивѣ и т. п., какъ ни въ чемъ не бывало отправляли къ намъ своихъ пословъ съ разными предложеніями. И что особенно удивительно, многіе изъ нихъ пропускаясь даже въ Петербургъ.

Отмѣтимъ еще, что средне-азіатскихъ хановъ ставили у насъ ниже другихъ восточныхъ владѣтелей. Прежде всего это замѣтно въ титулахъ, которые въ дипломатическихъ сношеніяхъ того времени (XVII и XVIII вв.) имѣли большое значеніе. Ханы такъ и оставались ханами, или же просто титуловались „начальниками“ земли Юргенской, Бухарской, Балхской, тогда какъ Персидскихъ шаховъ, на примѣръ, величали въ болѣе пышныхъ выраженіяхъ. Въ дѣлахъ по сношеніямъ съ шахомъ Аббасомъ I онъ титулуется не иначе, какъ „шахъ-Аббасово величество“, или „шахъ-Сефиево величество“. Какъ наши переводчики передавали это по персидски—не знаю. Грамота Великому Моголу Шахъ-джегану начиналась словами: „Брату нашему, великому государю, высокопрестольному Шахджеганову величеству Индейскому и всѣя Восточныя страны повелителю“.

7. Впервые, въ Архивѣ Калачева помѣщена статья о нашихъ сношеніяхъ съ Бухарой на основаніи подлинныхъ дѣлъ; восторыхъ, въ Сборникѣ кн. Хилкова, изданномъ въ С.-Петербургѣ въ 1879 году,

напечатаны эти дѣла въ видѣ приложенія къ статеіному списку Ивана Хохлова, тамъ же опубликованному.

8. Описаніе это извлечено нами изъ дѣла, хранящагося въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и озаглавленнаго такъ: „Выписка о бывшихъ хивинскихъ въ Россіи послахъ съ обстоятельнымъ показаніемъ пріѣзда ихъ, порученныхъ дѣлахъ, на оныя отвѣтовъ, пріемовъ и содержаніи. 1616—1744 годъ“. Кромѣ того, въ архивѣ имѣются отдѣльныя дѣла о каждомъ посольствѣ особо, куда вошли также и „церемоніалы“ пріема посланцовъ.

9. Прежде чѣмъ отправить ко двору прибывшаго въ Астрахань посланца, о немъ шла еще переписка, иногда довольно длинная, между астраханскими воеводами и высшимъ правительствомъ. Какъ велось это дѣло, и какъ принимались посланцы въ Астрахани, можно видѣть изъ донесенія къ государю астраханскихъ воеводъ, Василья Ромодановскаго съ товарищи, по поводу пріѣзда посланца отъ Абуль Гази хана, Девлетъ Маметъ Батырь Шукурова (Дѣло о его пріѣздѣ съ сентября 1657 г. по іюнь 1658 г.): „Сентября де, государь, въ 7 день пріѣхалъ въ Яицкой городъ отъ юргенского Абыль Газия царя посолъ Девлетъ Маметъ Батырь Шукуровъ; а посланъ де онъ къ тебѣ великому государю къ Москвѣ въ послахъ съ листомъ, да съ нимъ же де юргенского Абыль Газия царя послано къ тебѣ государю въ дарѣхъ армамакъ, да четыре ипоходца. И опъ де Богданъ (Мицкій стрѣлецкій голова) того посла отпустилъ въ Астрахань водянымъ путемъ съ провожатымъ, давъ твоимъ государевымъ лошадямъ на кормъ овса и сѣна. И сентября, государь, въ 22 день юргенской посолъ Девлетъ Маметъ Батырь въ твою государеву отчину въ Астрахань пріѣхалъ, а съ нимъ царевыхъ людей 10 человекъ да его посольскихъ шесть человекъ. И мы холопи твои велѣли ихъ встрѣтить противъ прежняго по посольскому обычаю и поставить въ бѣломъ каменномъ городѣ на бухарскомъ дворѣ, а въ приставѣхъ и для всякаго береженья у него велѣли быть астраханскому сыну боярскому Антиѣ Чупріянову да толмачу, и для береженья стрѣльцамъ—на караулѣ. И посылали мы холопи твои къ тому юргенскому послу спросить: къ тебѣ-ль великому государю къ Москвѣ отъ юргенского царя онъ посланъ или опъ присланъ въ Астрахань къ намъ холопомъ твоимъ для какихъ дѣлъ, и листы къ тебѣ великому государю юргенской царь съ нимъ послалъ ли и изъ котораго города? И юргенской посолъ Девлетъ Маметъ Батырь сказалъ: послалъ де его юргенской Абыль Гази царь изъ Юргенского города къ тебѣ великому государю

царю и великому князю Алексію Михайловичу всея Великія и Малыя и Вѣлыя Россіи самодержцу къ Москвѣ въ послѣхъ, а съ нимъ де къ тебѣ великому государю подалъ листъ, да челомъ ударить 5 лошадей и иные дары. И въ Астрахань де онъ Абылъ Газия царя листъ къ намъ холопомъ твоимъ съ нимъ объ его отпускѣ есть же. И сентября, государь, въ 24 день прислалъ въ приказную палату къ намъ холопомъ твоимъ юргенской посолъ Девлетъ Маметъ Батырь съ ясауломъ своимъ съ Досумкомъ Назаровымъ листъ писавъ турскимъ письмомъ и сказалъ ясаулъ, что де тотъ листъ прислалъ къ намъ холопомъ твоимъ юргенской Абалгази царь съ тѣмъ своимъ посломъ, и мы холопи твои тотъ листъ велѣли перевести и съ того, государь, листа въ переводѣ написано, чтобъ по прежнему въ твою, государеву отчину въ Астрахань его юргенского Абылъ Газия царя людямъ для торговли ѣздить повольно, а твоимъ бы де государевымъ людямъ къ нимъ потому жъ для торгу ѣздить повольно жъ было. Да юргенской же посолъ Девлетъ Маметъ Батырь приказывалъ къ намъ холопомъ твоимъ, чтобъ ты великой государь пожаловалъ его, посла, велѣлъ его изъ Астрахани отпустить къ себѣ государю къ Москвѣ противъ прежнихъ отпусковъ. И въ нынѣшнемъ, государь, въ 165 году мая въ 21 день того юргенского царя посла да съ нимъ царевыхъ людей десяти человекъ да его посольскихъ шти человекъ, да съ нимъ 5 лошадей и дары отпустили къ тебѣ государю царю и великому князю Алексію Михайловичу всея Великія и Малыя и Вѣлыя Россіи самодержцу къ Москвѣ мы холопи твои противъ прежнихъ отпусковъ. А въ приставѣхъ и для всякого береженья послали съ ними до Москвы кречетника Данила Петрова, да толмача Терешку Реутова. А твоего государева жалованья поденного корму и питья имъ дано въ дорогу отъ Астрахани до Казани мая съ 21 числа на шесть недѣль: послу Девлетъ Маметю Батырю Шукурову по два алтына по три деньги, да питья по четыре чарки вина да по полуведра меду на день; царевымъ людямъ десяти человекомъ по шти денюгъ, да питья по двѣ чарки вина; посольскимъ людямъ шти человекамъ по 3 деньги человекъ, да по чаркѣ пива. Да всѣмъ вообще царевымъ и посольскимъ людямъ полтора ведра пива на день; а лошадямъ овесъ и сѣно“.

10. Нельзя сказать, что свита посланца изъ ничтожнаго, въ сущности, владѣнія была мала. Но бывали примѣры, что за посломъ слѣдовала значительная партія его соотечественниковъ, которымъ надо было давать подводы и содержаніе. Въ іюлѣ 1640 года при-

ходилъ изъ Бухарской земли посолъ, Казіянъ именемъ, въ Tobольскъ; а съ нимъ было 200 человекъ, до 100 вьюковъ верблюдовъ съ товарами; а на посольство даровъ государю несли 37 человекъ. „И такого славного посла прежде въ Tobольскъ не бывало" (Вивліюника, VI, 250). Мы сейчасъ увидимъ, что означала эта щедрость въ подаркахъ, щедрость въ сущности фиктивная. Далѣе. У хивинскаго посланца Абрейма Ажизова, пріѣзжавшаго къ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ въ 1689 году отъ хана Арана, свита состояла изъ 50 человекъ: 30 человекъ хановыхъ людей и 20 посольскихъ. У Бухарскаго посла Кули-бека въ свитѣ находилось 62 человека. Такой длинный хвостъ у посланцовъ очень просто объясняется тѣмъ, что для среднеазіатскихъ купцовъ было довольно выгодно пристроиться къ посольству, такъ какъ съ членовъ его пошлины за товаръ не взымалось. Что подобная пышность посламъ вовсе и не была нужна, это у насъ отлично понимали, и въ Москву пропускали только незначительное число посольскихъ людей, оставляя прочихъ въ Астрахани. Случалось даже, что Астраханскіе воеводы принимали свои мѣры противъ подобныхъ злоупотребленій: они облагали пошлиной товары среднеазіатскихъ купцовъ, не признавая ихъ членами посольства, чѣмъ, конечно, вызвали жалобы со стороны хановъ (см. дальше, примѣч. 19). А то и пословъ не признавали въ этомъ званіи, какъ было поступлено, на примѣръ, съ посланцомъ хивинскимъ Тангри-бирди въ 1762 году. Но такіе случаи были весьма рѣдки, обыкновенно же отправленіе посольства служило для мѣстнаго купечества выгоднымъ коммерческимъ дѣломъ. Нашимъ посламъ въ казакахъ также предписывалось пошлинъ не платить; но тутъ правительство наше руководилось не коммерческимъ расчетомъ, а оберегало достоинство посла, и при томъ съ нашей стороны никакихъ злоупотребленій не бывало.

14. Интересное явленіе: въ XVII и XVIII столѣтіяхъ мусульмане Средней Азіи открыто потребляли пиво и вино. Посланцы отсюда не только не отказывались у насъ отъ запретныхъ для нихъ спиртныхъ напитковъ, но еще просили прибавки для себя и отпуска для хановъ. Въ дѣлѣ о пріѣздѣ посланца Ибрагима Ажизова читаемъ: „да ему послу по его челобитію про хановъ обиходъ и про себя велѣно купить въ Касимовѣ на кружечномъ дворѣ вина сто ведръ, а для того, чтобъ онъ посолъ и люди его, ѣдучи дорогою до Астрахани, вино не торговали, велѣно въ Касимовѣ запечатать то вино таможенною печатью". Посланцы иногда просто спивались. О пріѣзжав-

шемъ въ 1738 году въ Астрахань хивинскомъ послѣ Хаджи Батырѣ астраханскій губернаторъ доносилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, отъ 10-го апрѣля того года, что „тотъ хивинскій посолъ Аджин Батырь въ Астрахани отъ безмѣрнаго пьянства 8 числа апрѣля умре“. У бухарскаго посланца Чеге Арази, бывшаго въ Россіи въ 1737 году, пьянство сопровождалось еще и буйствомъ, при чемъ онъ „смертно“ билъ своего отца и глѣзъ въ драку съ конвойными солдатами (см. Сборникъ кн. Хилкова, стр. 573—577).

12. Приказъ новая четверть былъ главнымъ распорядителемъ винной регалин, находившейся въ завѣдываніи казны и ею отдаваемой на откупъ.

13. Большой приходъ въ Москвѣ служилъ центральнымъ учрежденіемъ для управленія таможенными сборами.

14. Посланцу хивинскому Хозѣ Мамету, свита котораго состояла также изъ 10 человѣкъ, выдавалось въ 1634 году „поденнаго корму“ по 70 копѣекъ на день.

Среднеазиатскимъ посланцамъ при въѣздѣ въ наши предѣлы нечего уже было заботиться о своемъ пропитаніи: ихъ встрѣчали вполнѣ гостепріимно. Укажемъ на нѣкоторые исключенія. Въ 1720 году, вскорѣ послѣ истребленія отряда Бековича-Черкаскаго, прибылъ изъ Хивы посолъ Мурза Вейсъ Мамбетъ, и астраханскій губернаторъ Артемій Волинскій, въ отвѣтъ на донесеніе о приѣздѣ посланца, получилъ приказъ слѣдующаго содержанія: „одного хивинскаго посла прислать изъ Астрахани въ Санктпетербургъ, давъ ему подводы и кормовыя деньги не яко послу, но яко арестанту, тѣмъ бы ему съ людьми токмо мочно быть сыту“, и подъ конвоемъ. Заставили его отдать ханскую грамоту. Посланецъ этотъ вскорѣ заболѣлъ и умеръ, о чемъ канцлеръ и увѣдомилъ хана черезъ одного Хивинца (прочіе были задержаны), требуя въ то же время выслать русскихъ плѣнныхъ. Но вообще надѣ замѣтить, что пріемъ посланцовъ изъ среднеазиатскихъ владѣній, въ виду ничтожной отъ нихъ пользы, обходился намъ дорого. Это и тѣмъ болѣе досадно, что наши посланники въ Средней Азіи принимались далеко не такъ глѣбосольно. Ихъ справедливое требованіе быть принятыми въ ханствахъ такъ, какъ у насъ принимались ихъ посланцы, всегда встрѣчало упорный отказъ. Нашъ посланникъ въ Хиву и Бухарію Анисимъ Грибовъ (1641—1643 гг.) въ своемъ статейномъ спискѣ разказываетъ, что ему начали выдавать содержаніе только тогда, какъ онъ прибылъ на дворъ Хивинскаго хана. Тутъ выдали ему 18 батмановъ пшѣна, 150 батмановъ пшеницы, 20 бат-

мановъ пшена (?), 1000 яницъ, да лошадямъ корму 150 батмановъ югарей (джугары); а въ батманѣ будетъ, говоритъ онъ, 12 гривенокъ русскихъ. При этой выдачѣ было прибавлено, что „корму опричь того не будетъ ничего, сколько ни станешь жить въ Юргенчахъ“, потому что въ Хивѣ посланникамъ корму опричь трехъ дней не дается. Въ Бухарѣ Грибову заявили, что кормъ станутъ выдавать послѣ того, какъ онъ отдастъ царскую грамоту; но и по врученіи посломъ грамоты онъ жилъ на своихъ харчахъ. Впрочемъ, произошло это потому, какъ говорили послу ближніе хановы люди, что ханъ Падяръ Мухаммедъ обидѣлся тѣмъ, что Хивинскому хану Сейту отъ царя послано было 8 сороковъ соболей добрыхъ, а Бухарскому только 4, „и тѣмъ де вашъ великой государь нашего Бухарского Надыръ Мамета царя передъ Юргенскимъ царемъ и иныхъ государствъ цари своими поминки обезчестилъ, а нашъ де Бухарской Надыръ Маметъ царь да и прежніе Бухарскіе цари, какъ и Бухара зачалась, юргенскихъ царей честиѣ (то-есть, почетнѣе)... и нынѣ де Бухарской царь о томъ добре гнѣвенъ и корму де за то тебѣ государеву посланнику вскорѣ не указалъ“. Только черезъ три мѣсяца ханъ велѣлъ выдать 5000 денегъ бухарскихъ старыхъ, вмѣсто корму и въ жалованье на прѣздѣ и въ дорогу, а въ бухарской деньгѣ московскихъ денегъ два алтына да 5000 батмановъ хлѣба всякаго.

Другому нашему посланнику Ивану Оедотьеву (1670—1673 гг.) въ Хивѣ выдано было „корму“ на три дня по 9 лепешекъ да по барану. „И онъ Иванъ (читаемъ въ его статейномъ спискѣ) о корму выговаривалъ, что они предъ ихъ юргенскимъ посломъ, которой былъ у великого государя у его царского величества на Москвѣ въ корму и въ подводахъ оскужены, потому что по указу великого государя жалованье поденной кормъ и питье, какъ на Москвѣ, такъ и въ дорогѣ въ оба пути даванъ двойной“. На это приставъ откровенно заявилъ: „великой де государь его царское величество милостивъ кого изволить, того и пожалуетъ, да и жаловать де есть чѣмъ: государства у него великого государя многія и многолюдныя и всѣмъ изобильныя, а юргенскому де хану такихъ расходовъ держать не изъ чего: владѣніе малое и скудное“.

15. Рындами были столѣтники, выбиравшіеся обыкновенно изъ лучшихъ фамилій, при чемъ имѣла значеніе красивая паружность столѣтниковъ. Они стояли на пріемахъ при царѣ.

16. Если пріемъ происходилъ лѣтомъ, то „въ прохладной палатѣ и въ сѣняхъ сидѣли дворяне и дѣяки и гости въ золотѣ жъ и въ частъ сохххху, отд. 2.

черныхъ шапкахъ. А по крыльцу были дворяне и дѣди боярскіе и подъячіе въ чистомъ платьѣ" (пріемъ въ 1634 году посланца Хозъ Мамета Багадиря).

17. Обычай класть руку на посланника практиковался у нашихъ царей только по отношенію къ мусульманамъ. Въ статейномъ спискѣ Григорія Васильчикова, бывшаго въ Персіи посланникомъ отъ царя Ѳедора Іоанновича къ шаху Худобендею (въ 1588 — 1589 годахъ), находимъ интересное сообщеніе по этому поводу. Въ Персіи Васильчиковъ встрѣтился съ грузинскимъ посланникомъ, который успѣлъ уже представиться шаху Аббасу I (сыну и преемнику Худобенди) и возвращался домой. Новы еще были для насъ въ то время персидскіе порядки, и потому Васильчиковъ прежде всего поспѣшилъ распросить у своего коллеги, какъ онъ представлялся шаху? Тотъ отвѣчалъ, что на аудіенціи шахъ протянулъ ему ногу, „и изъ шаха цѣловалъ въ ногу, да и всякимъ посломъ и посланникомъ даетъ цѣловать ногу". Не понравился нашему послу такой обычай и сталъ онъ протестовать противъ него: „У государя нашего", говорилъ онъ персидскимъ сановникамъ, — „въ обычай ведется: коли бывають у государя нашего царского величества отъ христіанскихъ государей послы и посланники, отъ цесаря римского и короля литовского и отъ иныхъ христіанскихъ государей, и государь нашъ царское величество тѣмъ посломъ и посланникомъ даетъ цѣловать свою царскую руку; а на басурманскихъ государей пословъ кладетъ руку. А государя нашего пословъ христіанскіе государи даютъ по тому же руку цѣловать, а басурманскіе государи кладутъ руки. А того нигдѣ не ведется, что государемъ цѣловать ногу: то посломъ безчестіе великое". И хотя Персіане возражали Васильчикову, что ему въ чужой землѣ своихъ законовъ не устанавливать, однако шахъ уважилъ ходатайство русскаго посланника: на пріемъ клалъ на него свою руку, не давая цѣловать ноги (см. Персидскія дѣла, связка 1/а, стат. списокъ Григорія Васильчикова и подъячаго Аванася Монастырева).

18. Грамоты въ „столпѣ" не имѣется, равно какъ и отвѣта на нее.

19. Въ описаніи этого посольства не имѣется рѣчи посла, говоренной имъ на пріемъ, а равнымъ образомъ и отпускной ему рѣчи, которую говорилъ думный дьякъ. Ради образца мы беремъ на выдержку рѣчь этого дьяка при отпускѣ посланца Эмина, пріѣзжавшаго въ Москву въ 1641 году отъ Хивинскаго хана Исфендіара. Послѣ спроса государемъ посла о здоровьѣ слѣдуетъ: „А послѣ того по государеву указу печатникъ и думной дьякъ Федоръ Федоровичъ Лихачевъ говорилъ

послу рѣчь. А молвилъ: Эминъ Багадыръ! Великой государь царь и великой князь Михайло Федоровичъ всея Русіи Самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель велѣлъ тебѣ говорити: присылалъ тебя къ нашему царскому величеству юргенской Исфендеаръ царь съ грамоты, и мы великой государь пожаловали, велѣли тебѣ видѣти наши царскія очи и грамоты велѣли принять, и перевести, и выслушали любительно. А въ грамотахъ своихъ къ нашему царскому величеству Исфендеаръ царь писалъ о ратныхъ людѣхъ на Калмыковъ и объ иныхъ разныхъ дѣлѣхъ. А нынѣ намъ великому государю учинилось вѣдомо, что Исфендеара царя не стало, а на его мѣсто учинился въ Юргенцахъ царемъ сынъ его Сейтъ царевичъ, и мы великой государь для дружбы и любви отца его, съ нимъ Сейтомъ царемъ такъ же хотимъ быти въ дружбѣ и въ любви и въ ссылкѣ, какъ и съ отцемъ его были, и тебя посла, пожаловавъ нашимъ царскимъ жалованьемъ, велѣли есмь отпустить къ Сейту царю. И о которыхъ дѣлѣхъ отецъ его Исфендеаръ царь къ нашему царскому величеству съ тобою посломъ въ грамотахъ своихъ писалъ и о тѣхъ дѣлѣхъ писано къ Сейту царю въ нашей царского величества грамотѣ. А что довелось взять съ царевыхъ товаровъ пошлинъ 701 р. 82 коп., и мы великой государь наше царское величество, для Сейта царя дружбы и любви тѣхъ пошлинъ имати не велѣли, и Сейтъ бы царь то принялъ въ любовь и за то бы намъ великому государю поздавалъ своею любовью. И какъ ты посолъ будешь у государя своего Сейта царя, и ты ему нашу царского величества дружбу и любовь объяви. Ханъ Исфендіаръ, во первыхъ, предлагалъ Михаилу Федоровичу союзъ для совмѣстнаго нападенія на Калмыковъ, „которые шкоту чинятъ“; во вторыхъ, жаловался на астраханскихъ воеводъ, притѣсняющихъ будто бы хивинскихъ пословъ, которыхъ считаютъ торговыми людьми, сажаютъ въ тюрьму и требуютъ пошлинъ.

20. Съ именами пословъ и вообще инородцевъ мы ничуть не церемонились и зачастую придѣлывали имъ фамиліи съ русскимъ окончаніемъ: Разумбаевъ (Рузумъ-бай), Рагимжановъ (Рахимъ-джанъ), Ибрагимъ Ажизовъ (Ибрагимъ хаджи), Вековъ (Векъ), Турсуновъ (Турсунъ), Аллагуловъ, Курмаметевъ (такимъ образомъ возникли у насъ Адашевы *), Васкаковы и т. п.); а то и вовсе по русски: Пермаметко (Пиръ Мухаммедъ), Елумбетка Казембетевъ и т. д. Даже

*) Адамъ значитъ «тезка».

Шейхъ-уль-Исляма обратили мы въ Шейха Ислямовича, въ какомъ видѣ и красуется онъ въ посольскихъ дѣлахъ.

21. По пріѣздѣ Артыкъ Батыря въ Астрахань, ему было опредѣлено наше содержаніе, а при отправленіи изъ Астрахани въ Москву отпущено ему кормовыхъ денегъ на 2 мѣсяца 151 р. 90 к. (по 75 р. 95 к. на мѣсяцъ), а поженно по 60 копѣекъ. Въ Москвѣ, въ конторѣ иностранной коллегіи опредѣлено ему дать кормовыхъ денегъ на одинъ мѣсяцъ 100 рублей (съ 4-го апрѣля на 30 дней) да на зажилые въ Москвѣ дни съ пріѣзда его въ Москву на 14 дней (по 4-е апрѣля) въ астраханской дачѣ по 80 коп. на день, всего 111 р. 20 к. серебряною рублевою монетою. „Но онъ посолъ тѣхъ денегъ не принялъ, объявляя, что такими кормовыми недоволенъ и до всемиловѣйшаго ея императорскаго величества особливаго о немъ указа будетъ содержать себя съ людьми своимъ коштомъ, а на милости ея императорскаго величества за присылку кормовыхъ всенижайше благодарствовалъ, и просилъ, чтобы показать ему деньги какія принесены. И какъ объявлены, то взялъ себѣ два рублевика и, привставъ съ мѣста, оныя рублевики положилъ себѣ на голову, а снявъ съ головы своей, еще благодарствовалъ, сказывая, что онъ посолъ такімъ кормовымъ приметъ тогда, когда ему объявятъ, что толикое число особливымъ указомъ дать ему опредѣлено“.

Недовольство кормовыми деньгами заявляли почти всѣ посланцы, и большею частью съ успѣхомъ: имъ дѣлали прибавку. Прибавили ли посланцу въ Москвѣ, изъ дѣла не видно. Замѣчательно же тутъ то обстоятельство, что посланецъ поспѣшилъ заявить неудовольствіе, еще не выдавъ денегъ и не имѣя еще возможности смекнуть о ихъ цѣнности.

22. Въ Петербургѣ Хивинцамъ назначено такое содержаніе: послу по 1 рублю на день, а на мѣсяцъ 30 рублей; ханскимъ 20 человѣкамъ по 15 коп. на день каждому; посольскимъ людямъ 10 человѣкамъ по 10 коп. на день каждому; всего 150 рублей въ мѣсяцъ. Но потомъ, вѣроятно вслѣдствіе попрошайства, послу прибавили еще 30 рублей въ мѣсяцъ.

23. То-есть, шелъ изъ Хивы степью на Мангышлакъ.

24. Въ грамотѣ вице-канцлеру ханъ писалъ: „Еще же да будетъ вамъ извѣстно: понеже лукавые Кызылбаши со всѣми ближними государствами никакой постоянной дружбы не имѣютъ и всѣхъ озлобляютъ и вредятъ, того ради и мы вознамѣрились на нихъ идти войною, дабы за мусульмановъ имъ достойное отмщеніе учинить, а

о прочемъ посолъ нашъ словесно объявить имѣеть". Средне-азиатцы—сунниты, Персіяне (Кызылбаши)—шиты, отсюда столкновения первыхъ съ послѣдними часто принимали религіозный оттѣнокъ. На этотъ разъ столкновение кончилось погромомъ Хивы и казню хана Ильбарса.

25. Хвастовство—непремѣнная принадлежность средне-азиатскихъ дипломатовъ. Иногда черта эта проглядывала и у насъ въ дѣлѣ сношенія съ западною Европой, когда послы наши заявляли о подчиненіи русскому царю („въ государя нашего волѣ") такихъ владѣній, которыми ни въ чемъ отъ Россіи не зависѣли. Замѣтимъ въ пользу Артыка Батыря, что въ дѣлѣ хвастовства не превзошелъ еще онъ другихъ посланцевъ. Алла Шукуръ-бай, пріѣзжавшій въ 1762 году въ Астрахань отъ хана Темиръ Гази, на подобный же вопросъ губернатора заявилъ безъ всякаго смущенія, что у хана постоянного войска имѣется 400,000 человѣкъ. На этотъ отвѣтъ въ „дѣлѣ" сдѣлана слѣдующая замѣтка: „почему предвидится, что неправда". Нѣсколько нерѣшительный тонъ ея, при преувеличеніи по крайней мѣрѣ разъ въ 50, показываетъ, что теперь посланцы смѣло могли хвастать, не рискуя быть уличенными во лжи.

26. Ханъ прислалъ въ подарокъ вице-канцлеру 40 овчинокъ бухарскихъ и двѣ доли изъ бухарскихъ же овчинокъ.

27. Очень часто ханы, отпуская русскихъ пословъ, просили черезъ нихъ о присылкѣ „особливаго" посла для окончательнаго удовлетворенія нашей просьбы. Такъ поступилъ, напримѣръ, бухарскій ханъ Абуль-Азизъ, отпуская братьевъ Пазухиныхъ въ 1672 году; то же сдѣлалъ Ширгазы въ Хивѣ въ 1725 году, отправляя Флоріо Беневени. Желаніе хановъ почаще видѣть у себя русскихъ пословъ понятно: не съ пустыми же руками явятся послы къ ханамъ, а содержаніе-то ихъ было неубыточно. Но съ конца XVIII столѣтія развилась у хановъ подозрительность: они стали бояться Россіи, строго слѣдили за русскими послами въ своихъ владѣніяхъ и нерѣдко держали ихъ въ заперти, устраняя ихъ отъ всякаго сношенія съ посторонними лицами изъ туземцевъ или изъ русскихъ плѣнныхъ, находившихся тамъ въ рабствѣ, и явно не желали пріѣзда ихъ.

28. Въ „листѣ" ханъ просилъ, по обыкновенію, о дружбѣ, о торговыхъ сношеніяхъ и кромѣ того извѣщалъ о намѣреніи своемъ идти войною на Персіанъ.

29. Подарки отъ хана императрицѣ были слѣдующіе: 1 аргамакъ гнѣдой, 1 иноходецъ бурый, 1 бобръ, да одного бобра чучело;

1 тулупъ черный волнистый, 60 волнистыхъ овчинокъ, двои перчатки.

30. Вывозъ изъ Россіи въ Среднюю Азію ружей, свинца, стали былъ запрещенъ. И разъ правительство наше сильно встревожилось, получивъ извѣщеніе о тайномъ провозѣ этихъ предметовъ изъ Астрахани въ Хиву. Случилось это въ 1765 году вслѣдствіе донесенія о томъ капитана Богдана Асланова, который былъ отправленъ изъ Россіи въ 1763 году въ Персію и Бухарію развѣдать о военныхъ замыслахъ Афганскаго хана Агаметца (Ахмеда), такъ какъ до насъ дошелъ слухъ о приготовленіяхъ этого хана къ походу противъ Китайцевъ съ цѣлю отнять у нихъ Восточный Туркестанъ, незадолго предъ тѣмъ Китайцами завоеванный. Правительство наше не прочь было оказать въ этомъ случаѣ поддержку Афганцамъ, опасаясь Китайцевъ, которые послѣ одержанныхъ побѣдъ сдѣлались очень „высокомѣрными“; но надо было удостовѣриться въ правдивости слуховъ. Аслановъ изъ Персіи проникъ въ Бухарію, гдѣ будто бы получилъ извѣстія о тайномъ провозѣ изъ Россіи въ Среднюю Азію запрещенныхъ предметовъ. Наряжено было по этому поводу слѣдствіе, но результатъ его мнѣ неизвѣстенъ. При отправленіи пословъ обратно на родину нашему пограничному начальству предписывалось строго слѣдить за тѣмъ, чтобы не провезли они чего-либо запрещеннаго и даже бѣглыхъ: „пересмотрѣть всякихъ товаровъ и ясырю, и дѣвокъ, и жонокъ, и робятъ, и нѣтъ ли у кого, сверхъ проѣзжихъ грамотъ, товаровъ и ясырю лишнихъ“.

31. См. выписки по Хивинскимъ дѣламъ, съ 1714 по 1770 годъ, ч. I.

32. Хивинскій посолъ Аджи Мугамедъ Ахунъ мулла Турсуновъ, явившись въ Астрахань въ 1745 г. только съ тремя служителями, добиваясь разрѣшенія проѣхать въ Петербургъ, заявлялъ, что, для поддержанія своего достоинства, возьметъ изъ свиты Артыкхъ Батыря 11 человекъ. Такъ какъ правительство наше не имѣло еще свѣдѣній о томъ, возстановилась ли самостоятельность Хивы послѣ персидскаго погрома, то изъ опасенія, какъ бы не вступить въ сношенія съ владѣльцемъ, состоящимъ въ шаховой „депенденціи“, не разрѣшило пропускъ посла въ Петербургъ; а стало быть и свита ему не понадобилась.

33. Нарушить наказъ было опасно. У насъ придавалось большое значеніе тому, какъ держалъ себя посланникъ въ чужой землѣ, и на этотъ счетъ были выработаны строгія и опредѣленные правила; укло-

неніе отъ нихъ могло подвергнуть виновника великой опалѣ. И нарушителей являлось немного. Одинъ изъ посланниковъ въ Персію, дворянинъ Михаилъ Тихановъ (1613—1615 гг.), ѣздившій извѣстять шаха Аббаса о вступленіи на престолъ Михаила Феодоровича, по возвращеніи былъ привлеченъ къ отвѣтственности вмѣстѣ съ спутникомъ своимъ, подъячимъ Алексѣемъ Бухаровымъ, за подобное нарушение. Въ присутствіи государя думный дьякъ прочиталъ посланникамъ обвинительный актъ, въ которомъ указывались три проступка: 1) Когда посланники прибыли въ Персію, „въ то жъ время были у шаха при васъ отъ вѣдомого вора и государева и всего російскаго государства измѣнника отъ Ивашка Заруцкаго и отъ Маринки посланники Иванъ Хохловъ да Юкушъ Глазовъ съ товарищи, и вы шаху посольство правили при нихъ и за столомъ сидѣли съ ними вмѣстѣ... и съ собою ихъ сверстали и выше государевыхъ людей, которые отъ государя посланы съ вами, сажали; а вы шаху объ нихъ ничего не говорили и въ воровствѣ ихъ не обличили“. 2) Сидѣли у шаха за столомъ ниже „бухарскаго царевича челобитчиковъ (а бухарскій царевичъ, какъ доносилъ посолъ, въ подданствѣ у шаха) и тѣмъ вы царскаго величества имени не честь же учинили“. 3) „Да вы же, Михайло и Алексѣй, учинили мимо государевъ наказъ, чего некоторые государевы послы и посланники напередъ сего не дѣлывали: не вѣдомо есте кого послушавъ, или будетъ своею глупостью затѣявъ, или будетъ съ пьянства забывъ свою русскую природу и государскіе чины, ѣздили есте на отпускѣ къ шаху въ его шаховѣ платьѣ вадѣвъ на себя по два кафтана азіатскихъ, одинъ кафтанъ наверхъ объ одну завязку, а другой подъ-исподъ. И вы тѣмъ царскому величеству учинили не честь же, не вѣдомо вы были у шаха, государевы посланники; не вѣдомо были у шаха въ путѣхъ“ (Дѣла персидскія, стат. списокъ Михаила Тиханова и Алексѣя Бухарова, связка 1/а).

34. Абуль-Гази, сынъ Ильбарса, ханствовалъ всего четыре года (см. дѣло о пріѣздѣ въ Оренбургъ изъ Хивы въ 1761 года посланца Исаака-муллы). Онъ былъ убитъ вліятельнымъ аталыкомъ Куразбекомъ за то, что „въ ханы противъ его Куразбекова желанія произведенъ“. И послѣ него возведенъ былъ, съ согласія Персидскаго шаха, Канпъ.

35. Въ 1761 году пріѣзжалъ изъ Хивы посланецъ Исхакъ мулла съ поздравительнымъ листомъ отъ хана Темиръ Гази (сына Мухам-

медъ Хаджи Султана), роднаго брата бухарскаго хана Абуль-Гази. „Листъ“ оказался безъ печатей, которыя были приложены только на пакетъ. На вопросъ губернатора Давыдова о такомъ нововведеніи, посланецъ отвѣчалъ: на прежнихъ листахъ печати были „потому, что у нихъ предъ симъ ханы были изъ Киргизъ-кайсацкихъ солтановъ, подданныхъ ея императорскому величеству, а нынѣ же Темиръ Гази ханъ не изъ Киргизъ-кайсацкихъ солтановъ, но изъ тамошнихъ природныхъ ханской фамиліи, отъ каковыхъ де, какъ въ Бухаріи, такъ и въ Персіи и во всей Азіи находящихся подъ письмами печатей отнюдь не прикладывается и обыкновенія такого у нихъ нѣтъ“. Давыдовъ усомнился въ правдивости этого объясненія, но листъ принялъ. Однако, послу было отказано въ пропускѣ ко двору. По сообщенію Исхака муллы, Темиръ Гази былъ избранъ Хивинцами на ханство за четыре года передъ тѣмъ.

Подобнымъ же образомъ въ 1783 г. генералъ-поручикъ Апухтинъ задержалъ хивинскаго посла отъ хана Фелятъ (Пуладъ) Гази Магометъ Багадуръ за то, что на листѣ „печать ханская приложена въ заглавіи и въ лицѣ, а не въ окончаніи и не на оборотѣ“, и представлялъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, что посланца слѣдуетъ отправить домой безъ отвѣта, какъ поступлено было губернаторомъ Брылкинымъ въ 1751 году въ подобномъ же случаѣ.

36. На основаніи показанія русскихъ плѣнныхъ (въ доношеніи изъ Самары генералъ-лейтенанта князя Урусова, 1741 г.) оказывается, что послѣ Ширгазы былъ ханомъ въ Хивѣ Мамыръ, „которого, ѣздя къ моленію въ мечеть, убила лошадь“; а потомъ—Батырь. „И оной, опасаясь своихъ Хивинцевъ, чтобъ не убили, ушелъ въ Киргизцы къ Абуль-Ханръ хану, которой и нынѣ имѣется у оного хана“.

Батырь, сынъ Киргизскаго султана Каипа, былъ женатъ на дочери Ширгазы хана, и послѣ смерти его былъ избранъ Хивинцами ханомъ. Но потомъ бѣжалъ оттуда и женился на дочери Абуль-ханра. Его сынъ, Каипъ, впоследствии ханствовалъ въ Хивѣ (см. дѣло объ управленіи Гарбера въ Хиву).

37. Въ 1840 г. ханъ Алла-кулъ выслалъ всѣхъ плѣнныхъ Русскихъ не вслѣдствіе похода въ Хиву графа Перовскаго въ 1839 г.—неудача похода должна была еще болѣе бы ободрить Хивинцевъ—а вслѣдствіе того, что мы употребили нашу старинную мѣру: задержали всѣхъ находившихся въ Оренбургѣ Хивинцевъ. Впоследствии,

въ 1847 году для удовлетворенія хивинскихъ купцовъ, потерпѣвшихъ отъ задержанія, наше правительство отправило хану 5,500 червонцевъ. Ханъ удержалъ эти деньги для себя, и наше великодушіе такимъ образомъ не достигло цѣли.

Н. Весселевскій.

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ВОСЬМОЙ.

1893—1894.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТАБЛИЦЪ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1894.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

190. П. Шубинскій. Очерки Бухары. Спб. 1892. 107 стр. 8°.

Прежде, когда европейцы мало знали Азію, часто случалось, что извѣстностію и наибольшею распространенностію среди читающей публики пользовались не тѣ сочиненія о Востокаѣ, которыя дѣйствительно того заслуживали, а сплошь и рядомъ всякая дребедень, если она излагалась занимательно, сообщала разныя чудеса и диковинки. Такъ, эффектные измышленія Джона Мандевилля читались съ увлеченіемъ и принимались за чистую монету, а высокой цѣны и вѣрныя сообщенія Марко Поло, этого Геродота среднихъ вѣковъ, считались наглымъ вымысломъ, и даже друзья передъ его смертію убѣждали его, для спасенія души, отказаться отъ нѣкоторой части разсказа. Но эти времена давно прошли; съ тѣхъ поръ европейцы и особенно русскіе употребили столько усилій и принесли столько пожертвованій на изученіе Азіи, что теперь-то мы можемъ отличить дѣйствительно полезное отъ ненужнаго хлама, не только загромаждающаго литературу, но даже вреднаго. Вредъ заключается, во первыхъ, въ томъ, что мы, узнавъ о появленіи книжки въ родѣ «Очерковъ Бухары», подумаемъ, что мы работаемъ и дѣлаемъ чтò нужно, а потому и успокоимся; а во вторыхъ, читатели, вслѣдствіе невѣрныхъ данныхъ и ложнаго освѣщенія предмета, будутъ введены въ обманъ и усвоятъ невѣрное представленіе о положеніи дѣлъ въ Азіи.

Не имѣя ни малѣйшей подготовки, чтобы понимать представляющіеся на каждомъ шагѣ своеобразныя явленія средне-азиатскаго міра, безъ знакомства съ исторіей Средней Азіи вообще и Бухары въ частности, г. Шубинскій задумалъ представить намъ, по случайно попавшимся подъ руку

книжкамъ и обитателей Бухарскаго ханства и его исторію. Насъ всегда удивляло вотъ какое явленіе: ни одинъ путешественникъ, посѣтившій Германію, Францію, Англію и т. д., не зная языка этихъ государствъ, не рѣшится описывать посѣщенные мѣста на основаніи только руководства переводчиковъ; но всякій туристъ, побывавшій въ Азіи, незнакомый съ восточными языками, непременно сочтетъ своею обязанностію дать описаніе своего путешествія, въ которомъ не только изложитъ свои впечатлѣнія, но еще будетъ поучать. При нѣкоторой доли беззащитности этимъ путемъ многие добились званія «знаменитыхъ» путешественниковъ и приобрѣли авторитетъ въ вопросахъ, касающихся Азіи. Борются съ этимъ зломъ трудно и непріятно, но съ другой стороны и молчать неудобно. Высказать свое мнѣніе о книгѣ г. Шубинскаго мы считаемъ нужнымъ еще и потому, что «Очерки Бухары» печатались предварительно въ «Историческомъ Вѣстникѣ», журналѣ, пользующемся извѣстнымъ значеніемъ.

Если бы г. Шубинскій обнародовалъ только біографическія свѣдѣнія о нѣмѣншемъ эмирѣ, этого было бы и достаточно; правда, тогда не вышло бы книги. Теперь же мы имѣемъ книгу, а въ ней слѣдующія прелести:

На стр. 3-й сказано: «Миръ-Гайдеръ по смерти Шахъ-Мурада, послѣдовавшей въ 1802 г., принимаетъ титулъ эмира». Это невѣрно: титулъ эмира принялъ Шахъ-Мурадъ, а сынъ его только унаслѣдовалъ этотъ титулъ.

На стр. 4-й: «Династія Мангытъ ведетъ свой родъ по мужской линіи отъ Узбека, девятаго государя изъ дома Джюджи, по женской — отъ Чынгисъ-хана». Джучи сынъ Чынгисъ-хана, стало быть и по мужской линіи мангытская династія происходитъ отъ Чынгиса; но это невѣрно, какъ невѣрно, что Узбекъ былъ 9-мъ ханомъ изъ дома Джучи.

— Въ примѣчаніи 3-мъ Рахимъ-біи названъ министромъ Абуль-Фейза, чего въ дѣйствительности не было.

На стр. 7-й описывается востшествіе новаго эмира на бухарскій престолъ; но пропущена самая важная подробность: эмиръ въѣхалъ въ Бухару въ сопровожденіи генерала Анненкова и его свиты изъ казаковъ, чѣмъ и надо объяснить необыкновенное спокойствіе среди жителей города и чѣмъ усилялась торжественность обряда коронованія. По поводу обряда коронованія замѣтимъ, что г. Шубинскій напрасно думаетъ, вслѣдъ за Гребенкинымъ, что вознесеніе хана на бѣлой кошмѣ введено, какъ новость, Рахимъ-біемъ. Даже и для Бухары обычай этотъ на много столѣтій древнѣе Рахимъ-біи. Какой тронъ въ Бухарѣ, мы не знаемъ, но не слыхали, что онъ представляетъ большой, гладко отшлифованный, сіро-синеватый мраморный камень, съ тремя ведущими къ нему ступенями (стр. 7). Не напуталъ-ли тутъ чего авторъ на счетъ самаркандскаго кокъ-таша?

На 23-й: г. Шубинскій думаетъ, что обычай подарковъ вытекаетъ изъ «закона Магомета». Мухаммедъ тутъ рѣшительно не при чемъ.

Тамъ же сказано, что ближайшимъ помощникомъ хана по управленію ханствомъ долженъ быть аталыкъ. Назначеніе аталыка совсѣмъ другое и забираетъ онъ власть въ ханствѣ по другой причинѣ.

На 25-й можно видѣть, какія сбивчивыя свѣдѣнія о мусульманствѣ у г. Шубинскаго. Оказывается, что ходжаи называются одинаково и потомки Мухаммеда и пилигримы въ Мекку (حاجى و خواجه).

Вторая глава (стр. 28—45) исключительно посвящена исторіи и тутъ курьезы на каждомъ шагу, да пначе и быть не могло. Посмотрите какими пособіями пользуется авторъ, что служить для него источникомъ: ничтожная брошюрка г. Чайковскаго «Туркестанъ и его рѣка по Библіи и Геродоту», 1884; другая брошюрка «Аму и Узбой», 1879; статейка Шлегеля (въ Journal Asiatique, 1828); книга г. Поздѣева «Древншіе въ мусульманскомъ мірѣ», 1886; «Исторія Золотой орды» Гаммера-Пургсталя, «Жизнь Тимура» соч. Лангле, въ переводѣ г. Суворова, 1890, и т. д. Главнымъ сочиненіемъ является, конечно, «Исторія Бухары» Вамберп, но извѣстно, что это исторія плохая, а въ русскомъ переводѣ Павловскаго и вовсе нкуда негодная. По такимъ трудамъ изучать прошлое Бухарскаго ханства невозможно, а излагать ее печатно — едва-ли простительно.

Предварительно г. Шубинскій объясняетъ названіе города. Извѣстно, что названіе Бухары происходитъ отъ *санскритскаго* слова «вихара» — монастырь. Г. Шубинскій замѣчаетъ, что слово «бухара» есть туранское слово, на монгольскомъ (!) языкѣ оно означаетъ «буддійскій храмъ, монастырь» (стр. 28, 55).

Исторія начинается съ вулканическихъ переворотовъ, «измѣнившихъ водную систему Средней Азіи, въ періодъ времени между VIII—VII столѣтіями до Р. Х.» (стр. 28), вслѣдъ затѣмъ говорится, что первыми извѣстіями о Трансоксаніи мы обязаны пророку Іезекилю (стр. 29), а «во времена Дарія Гистасна посѣтилъ Трансоксанію Птоагоръ. Описанная имъ земля Зарангейская есть Трансоксанія. Онъ говоритъ, что земля эта была населена арійскимъ племенемъ и имѣла главный городъ Артоксану. Племя и городъ заимствовали свое названіе и богатство отъ рѣки Арія» (ibid.).

На стр. 30-й читаемъ: «съ этого момента (паденія греко-бактрійскаго царства) до VII в. по Р. Х. непроницаемый мракъ окутываетъ въ теченіе почти восьми столѣтій исторію Трансоксаніи». На это можно замѣтить, что для г. Шубинскаго и вся исторія Бухары покрыта мракомъ. Сославшись на густой мракъ, г. Шубинскій, однако, высказываетъ свои предположенія относительно того, что могло быть въ это время въ Трансоксаніи.

Г. Шубинскій почему-то вообразилъ, что Бухара всегда была столицей Трансоксианы, тогда какъ столицей чаще былъ Самаркандъ. При Хорезмъ-шахахъ Бухара не играла никакой роли и вовсе не была доведена до высшей степени культурнаго развитія и военно-политическаго могущества въ средѣ государствъ центральной Азіи (стр. 32). Здѣсь авторъ по обыкновенію жестоко ошибается.

На 33-й сообщается, что Чингисъ выступилъ противъ Бухары съ войскомъ въ 600.000 человекъ, тогда какъ у него не могло быть и 100.000.

На 34-й въ примѣчаніи сказано: «Старшій сынъ Чингиса, Окай, получилъ Китай и Монголію, вмѣстѣ съ главенствомъ надъ удѣлами братьевъ: Багу—Хорезмъ и Дештъ-и-Кипчакъ, Тули—Хорасанъ, Персію и Индію». Здѣсь всего 2½ строчки; но посмотрите, сколько ошибокъ. Окай не старшій сынъ Чингиса (старшимъ былъ Джучи, вторымъ Джагатай, а Окай—третьимъ), и получилъ въ удѣлъ не Китай съ Монголіей, а Уйгурію; Батый не братъ Окая, а племянникъ (Батый старшій сынъ Джучія); Тули получилъ не Хорасанъ, Персію и Индію, потому что Персія и Индія не находилась во власти Чингиса, не были имъ покорены и распоряжаться имъ онъ не могъ. Тули получилъ Монголію, потому что у монголовъ отцовскій юртъ наследовалъ младшій сынъ. Удѣлы не подчинялись другъ другу, а только признавали одного главу—монгольскаго императора, но и это подчиненіе скоро сдѣлалось номинальнымъ. И вся исторія въ такомъ родѣ, а потому нѣтъ надобности дѣлать еще выписки.

Не лучше обстоятъ дѣло и въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ сообщаетъ о чемъ нибудь, какъ очевидецъ. Такъ, ему могутъ повѣрить, что близъ мечети Богаеддина находятся кладбища Шейбанидовъ и Астраханидовъ (стр. 96), тогда какъ кладбища эти устроены въ Самаркандѣ, специально для той и другой династіи, у Богаеддина же похоронены немногія отдѣльныя личности.

Описывать народъ, не зная его языка и его прошлаго, дѣло немыслимое. Такія фразы, какъ, напримѣръ, «среднеазиатскій мусульманинъ, кто бы онъ ни былъ, не любитъ тяжелаго физическаго труда»,—ничего не говорятъ, потому что никто не любитъ тяжелаго физическаго труда (стр. 50). Г. Шубинскій возлагаетъ великія надежды на кыргызовъ и узбековъ, которые будто бы способны поднять экономическій и умственный уровень Средней Азіи, что же касается до таджиковъ, то они, по его мнѣнію, дальше торговли никуда не пойдутъ (стр. 54). Пусть сбудется пророчество г. Шубинскаго; но вѣдь это пока только одни мечтанія, въ дѣйствительности же кыргызы и узбеки, какъ разъ, и погубили экономическое благо-

состояніе Средней Азіи и понизили ея умственный уровень. Вотъ что значить не знать исторіи страны, которую беремся описывать.

Мы рѣшительно не понимаемъ, за что г. Шубинскій превозноситъ нынѣшняго эмира и печатаетъ ему панегирикъ? Неужели серьезно сказано, что при вступленіи на престолъ ханъ не могъ не сознавать, что государственный и общественный строй его отечества является совершеннымъ анахронизмомъ среди охватившей его со всѣхъ сторонъ европейской цивилизаціи (стр. 8)? Впрочемъ, нѣтъ: г. Шубинскій говоритъ это вполне серьезно и договорился даже до эмансипаціи женщины, къ чему эмиръ дѣлаетъ попытки. Это очень громко, но совершенно фантастично. Если бы г. Шубинскій только фантазировалъ, мы бы такъ и смотрѣли на его книгу, но онъ извращаетъ факты для своей цѣли: для прославленія Сейидъ Абдуль-Ахата, а это нехорошо. Такъ на стр. 11-й сказано, что осенью 1886 г., по желанію и ходатайству эмира, въ городѣ Бухарѣ было учреждено русское политическое агентство. Это не вѣрно: вопросъ объ агентствѣ рѣшенъ былъ еще въ 1885 году, при прежнемъ эмирѣ. Всѣ же мѣры, за которыя прославляетъ г. Шубинскій эмира, сдѣланы по настоянію русской власти и начало имъ положено еще прежнимъ эмиромъ. Многое раздуть, какъ на-примѣръ, указъ объ освобожденіи рабовъ. Рабство пало само собою за невозможностью добывать рабовъ, а что нѣсколько человѣкъ персіянъ получили свободу, то это нельзя ставить въ заслугу одному только эмиру. Эмиръ воспретилъ употребленіе нашіи, опиума и кукнара, потому что это запрещено у насъ, но развѣ когда либо запрещенія отрезвляли пьяницъ и уменьшали куреніе табаку? Не подѣйствовали эти запрещенія и въ нашихъ владѣніяхъ, они только устранили употребленіе этихъ наркотическихъ веществъ открыто, публично. А сдѣлалъ ли эмиръ что-нибудь для блага своего народа? Облегчилъ ли поборы, или по прежнему урожай въ Бухарѣ зависитъ отъ усмотрѣнія бека, а не отъ количества зерна? Обуздаль ли онъ лихоимство своихъ чиновниковъ? Изъ книги г. Шубинскаго видно, впрочемъ, что эмиръ хочетъ обуздать (стр. 26), но, повидимому, безуспѣшно и самъ допускаетъ чрезмѣрные поборы съ народа (стр. 17). По мнѣнію г. Шубинскаго въ этихъ поборахъ виноватъ самъ же народъ. И это не шутя. Если сборы — говоритъ онъ — достигаютъ большихъ размѣровъ, то въ этомъ виновата администрація, а администрація выходитъ изъ того же народа (ibid). Очень хорошая логика! На стр. 21-й г. Шубинскій рассказываетъ, что пэрѣдка (!) эмиръ ѣздитъ въ гости къ высшимъ сановникамъ ханства, всегда съ большой пышностью. Это высоко цѣнимая бухарцами честь обходится имъ обыкновенно очень дорого, ибо, по установившемуся пздревле обычаю, сановникъ, удостоившійся такой честью, долженъ поднести эмиру не

менѣе 9 бакчей халатовъ, 9 лошадей въ полномъ уборѣ и 9 мѣшечковъ серебряныхъ монетъ разной стоимости; кромѣ того, одарить и угостить всю свиту эмира, а путь его отъ дворца до воротъ посѣщаемого жилища осыпать серебряными монетами, а отъ воротъ до входа въ домъ золотыми тиллямп. «Богатые увеличиваютъ эти подарки вдвое, иногда втрое, сдвояя при удобномъ случаѣ съ народа затраченныя суммы». Такъ какъ эти визиты оправдать трудно, то г. Шубинскій въ примѣчаніи, мелкимъ шрифтомъ, и называетъ ихъ зломъ; въ текстѣ же смягчаетъ словомъ «пзрѣдка» и заявленіемъ, что бухарцы считаютъ эти посѣщенія за великую честь. Мы лично слышали отъ бухарцевъ, что такіе визиты они считаютъ за великое несчастіе, да и покойный эмиръ (про нынѣшняго не знаемъ) посѣщалъ только тѣхъ, кого хотѣлъ наказать и разорить. Далѣе г. Шубинскій прибавляетъ: «посѣщеніе эмира, кромѣ угощенія, сопряжено съ устройствомъ томаша, на которой подъ звукъ туземной музыки пляшутъ бачи, показываютъ свое искусство акробаты и фокусники, а странствующие поэты и сочинители читаютъ свои прозведенія». Но публично пляски бачей запрещены, и за это эмиръ превозносится г. Шубинскимъ. Конечно, эмиру не удобно смотрѣть публичныя пляски бачей.

Ничего путнаго не сказалъ г. Шубинскій и объ отношеніяхъ нашихъ къ Бухарѣ. Повидимому, все такъ и должно быть, Неужели мы все забыли и ничему не научились? Покойный К. П. Кауфманъ отлично понималъ значеніе Бухары въ глазахъ всего мусульманскаго населенія Средней Азіи, сознавала неудобство для русской власти и русскаго вліянія въ существованіи Бухарскаго ханства, хотя и въ вассальномъ положеніи, принималъ мѣры къ ослабленію этого гнѣзда фанатизма и добился того, что могъ называть бухарскаго эмира своимъ самымъ исправнымъ уѣзднымъ начальникомъ. Послѣ того пошла въ ходъ иная политика. Признано полезнымъ поднять значеніе Бухары и возвысить обаяніе власти эмира. Едва-ли это въ интересахъ нашего государства. Кажется, прошлымъ лѣтомъ мы получили маленькое предостереженіе. Нельзя успокоиваться на томъ, что наше управленіе благотѣльнѣе и гуманнѣе ханскаго; потому что у народа существуютъ и другія, высшія блага, помимо матеріальнаго избытка. Это—прежде всего національное сознаніе, чувство національной независимости и политической жизни. Хороша русская власть, но вѣдь она чужая, и худая, но своя, всегда будетъ дороже иноземнаго владычества. Лучшее этому доказательство представляетъ новая исторія Восточнаго Туркестана. Какъ ни ублажало китайское правительство туркестанцевъ, какъ ни благоденствовали тогда эти послѣдніе, но они при всякомъ удобномъ и даже неудобномъ случаѣ возставали, чтобы изгнать язычниковъ-благодѣтелей и охотно шли

подъ ярмо мусульманскихъ тирановъ. И у насъ съ нашими туркестанцами существуетъ пропасть въ религіозномъ отношеніи, а потому они тоже должны сознавать, что обречены на политическую смерть. Быть можетъ, это сознание еще не приняло конкретныя формы, но оно несомнѣнно чувствуется, такъ сказать, виситъ въ воздухѣ. Случайный толчекъ поможетъ этому сознанию развиться и, пожалуй, вылиться наружу. Вотъ почему усплывать значеніе Бухары намъ нѣтъ надобности, такъ какъ туда будутъ обращаться взоры нашихъ подданныхъ.

Колебанія во взглядахъ нашей администраціи происходятъ, полагаемъ, отъ незнанія прошлаго Средней Азіи, потому что наши администраторы не прониклись сознаниемъ важности изученія тѣхъ странъ, гдѣ они призваны дѣйствовать. Въ Туркестанѣ у насъ очень мало людей, знающихъ мѣстные языки, а между тѣмъ это знаніе необходимо не только для цѣлей переводческихъ — за толмачами дѣло не станетъ — но, главное, для разработкы научнаго матеріала о странѣ, о ея населеніи. Не такъ давно былъ такой человекъ въ Ташкентѣ — Е. Ф. Каль; но когда онъ умеръ, мѣстная администрація не подумала найти ему преемника той же специальности. Это очень характерно, но въ то же время очень грустно.

Оттого-то и возможно появленіе у насъ книгъ въ родѣ «Очерковъ Бухары»; а такія книги говорятъ далеко не въ нашу пользу.

Н. В.

191. Д. Покотиловъ. У-тай, его прошлое и настоящее. Отчетъ о поѣздкѣ, совершенной въ маѣ¹⁾ 1889 г. (Зап. И. Р. Геогр. Общ. по общ. геогр., т. XXII, № 2). СПб. 1893. 152 стр. in-8°.

Д. Д. Покотиловъ, студентъ при Императорской Россійской Миссіи въ Пекинѣ, принадлежитъ къ числу немногихъ европейцевъ, посѣтившихъ знаменитую своими буддійскими монастырями мѣстность *У-тай-шань*, что въ губерніи *Шань-си* (или Сань-си)²⁾ **Шань-си**, въ области *Дай-чжоу* 代州. Результатомъ его поѣздки явилось лежащее предъ нами описаніе, заключающее въ себѣ предисловіе (6 стр.), 4 главы, 2 приложенія и указатель.

1) Съ 3-го по 20-ое мая.

2) Отсюда выходятъ знаменитые торговцы *лаосиры*, не только захватившіе въ свои руки почти всю торговлю Монголіи и Маньчжуріи, но и проникшіе въ наше Забайкалье (гдѣ ихъ лавки встрѣчаются въ деревняхъ и при дацанахъ) и Сибирь (до Томска; въ Иркутскѣ ихъ до 150 человекъ). Главная цѣль ихъ пребыванія въ Сибири и Забайкальѣ скупка золота и отчасти серебра.